

Дариуш Рогут

Институт истории Академии военного искусства,

Варшава, Польша

<https://orcid.org/0000-0002-1023-0411>,

drogut@wp.pl

Dariusz Rogut

Institute of Military History of War Studies University,

Warsaw, Poland

<https://orcid.org/0000-0002-1023-0411>,

drogut@wp.pl

Отношение советских органов безопасности к Армии Крайовой (июль 1944 – январь 1945 гг.)^{1*}

The Attitude of Soviet Security Organs to the Home Army (July 1944 – January 1945)

Аннотация. В статье рассмотрена проблема взаимоотношений советских органов госбезопасности и подпольной польской военной организации «Армия Крайова» в завершающий период Второй мировой войны. Автор приходит к выводу о том, что основными инструментами установления коммунистической диктатуры и подавления польского общества являлись органы НКВД, НКГБ, СМЕРШ. Репрессии были направлены против широких групп польского общества (помещиков, учителей, врачей, духовенства и

---

¹ Статья является укороченной, отредактированной и дополненной новой литературой версией главы из монографии: *Rogut D. Mechanizmy sowieckich represji. Żołnierze Armii Krajowej w obozie NKWD nr 270 w Borowiczach (1944–1946) – studium przypadku.* – Żelów: Marland, 2017.

The article is a shortened, edited and supplemented by new literature version of a chapter from the monograph by D.Rogut *Mechanizmy sowieckich represji. Żołnierze Armii Krajowej w obozie NKWD nr 270 w Borowiczach (1944–1946) – studium przypadku* (Żelów: Marland, 2017).

*Для цитирования: *Рогут Д.* Отношение советских органов безопасности к Армии Крайовой (июль 1944 – январь 1945 гг.) // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории.* – 2020. – Т. 4. – № 4. – С. 1303–1351. DOI: 10.23859/2587-8344-2020-4-4-6

For citation: Rogut, D. “The Attitude of Soviet Security Organs to the Home Army (July 1944 – January 1945)” *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 4, no. 4 (2020): 1303–51, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2020-4-4-6>

© Рогут Д., 2020

© Rogut D., 2020

т. п.) и конкретных лиц, которых советское руководство считало «опасными», «враждебными», угрожающими новым коммунистическим властям. По оценочным данным, с января 1944 года до конца 1940-х гг. на территории Второй Польской Республики было арестовано примерно 80–100 тысяч поляков, из которых несколько тысяч были осуждены (не считая польских граждан других национальностей). Они содержались в проверочно-фильтрационных лагерях, лагерях для военнопленных и интернированных, исправительно-трудовых лагерях и рабочих батальонах НКВД-МВД. Аресты, интернирование, массовые депортации и судебные процессы этого периода противоречили нормам международного права и стали началом нового, советского периода оккупации Польши.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Польша, Армия Крайова, советские репрессии, НКВД, НКГБ.

Abstract. The article deals with the problem of relations between the Soviet State Security Organs and the Home Army, an underground Polish military organization, in the final period of the Second World War. The author concludes that the main tools for establishing the Communist dictatorship and suppressing Polish society were the NKVD, NKGB, and SMERSH. Repression was aimed at broad groups of Polish society (landlords, teachers, doctors, clergy, etc.) and at certain individuals who were considered by the Soviet leadership as dangerous, hostile, and threatening the new Communist authorities. According to some estimates, from January 1944 to the end of the 1940s, 80–100 thousand Poles were arrested in the territory of the Second Polish Republic, of whom several thousand were convicted (not counting Polish citizens of other nationalities). They were held in screening and filtration camps, camps for prisoners of war and internees, correctional labour camps and labour battalions of the NKVD-MVD. The arrests, internment, mass deportations and trials of this period contradicted the norms of international law and marked the beginning of the new, Soviet, period of occupation.

Key words: World War II, Poland, the Home Army, Soviet repression, NKVD, NKGB

Постепенное отступление немецко-фашистских войск на Восточном фронте в 1944 г. и приближение Красной Армии к довоенным восточным границам Второй Польской Республики привели к осуществлению Армией Крайовой¹ (далее – АК) акции «Буря». Главной ее целью была борьба с отступающими гитлеровскими войсками и разрушение их путей сообщения. АК и гражданские подпольные организации должны были одновременно выступить и обеспечить контроль над польскими территориями перед наступающими советскими войсками. Выход из подполья и активные действия польских военно-административных властей рассматривались ими как демонстрация

---

¹ Армия Крайова – подпольная независимая военная организация, часть польских вооруженных сил, действовавших во время Второй мировой войны в Польше, подчинялась Верховному Главнокомандующему и Правительству Республики Польша в изгнании. Партизанские отряды Армии Крайовой провели множество боевых и подрывных операций по уничтожению офицеров немецкого оккупационного аппарата СС и полиции. В 1944 году в АК было более 300 000 солдат. 19 января 1945 г. была распущена.

принадлежности восточных земель к Польской Республике. Таким образом, реализовывались как политические, так и военные цели.

Советские войска перешли довоенную границу Второй Речи Посполитой в январе 1944 г. на Волыни. В марте 1944 г. 27-я Волынская пехотная дивизии АК под командованием подполковника Войцеха Киверского («Оливы») совместно с частями 1-го Белорусского фронта под командованием маршала СССР К.К. Рокоссовского вела тяжелые бои с немцами в окрестностях Ковеля и Владимира-Волынского. Одновременно с боевыми действиями проводились переговоры, касавшиеся возможности постоянного сотрудничества между АК и советскими вооруженными силами. Однако в середине мая 1944 г. поляки оказались в немецком окружении. Большая часть 27-й пехотной дивизии АК смогла тогда перебраться на Люблинщину, прорвавшись через немецкие позиции и выйдя к линии фронта, однако некоторые ее подразделения были разоружены советскими войсками.

Отряды Виленско-Новогрудского округа АК провели боевую операцию «Острая брама» по освобождению от немцев Вильнюса. Однако им не удалось самостоятельно овладеть городом, лишь часть отрядов совместно с вступающими в город советскими войсками приняла участие в тяжелых уличных боях. 13 июля Вильнюс был взят². Подполковник Александер Кжижановский («Вильк»), командир соединенных округов, начал переговоры с командующим 3-м Белорусским фронтом генералом армии И.Д. Черняховским по преобразованию отрядов АК в части, сражающиеся рядом с советскими войсками. Однако уже 14 июля Сталин издал приказ о разоружении польских партизанских отрядов, на основании которого попытки сопротивления с их стороны должны были подавляться силой³. За акцию отвечал прибывший в Вильнюс заместитель Наркома внутренних дел СССР генерал И.А. Серов, имевший в своем распоряжении 19 опергрупп НКВД-НКГБ, а также внутренние войска НКВД⁴. 17 июля, во время беседы с генералом Черняховским, подполковник «Вильк» был арестован. Одновременно в деревне Богуше были арестованы 30 командиров польских отрядов⁵ и разоружены

---

² Polskie Siły Zbrojne w drugiej wojnie światowej: w 3 t. T. 3: Armia Krajowa. – Londyn: Studium Polski Podziemnej, 1952. – S. 612.

³ СССР и Польша: 1941–1945: к истории военного союза: документы и материалы / автор-составитель Лавренов С.Я. и др. – Москва: ТЕРРА, 1994. (Серия: Русский архив. Великая Отечественная. Т. XIV (3–1)). – С. 161–162.

⁴ NKWD i polskie podziemie 1944–1945. Z «teczek specjalnych» Józefa W. Stalina / redakcja naukowa rosyjska A.F. Noskowa; redakcja naukowa polska Alina Fitowa. – Kraków: Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych «Universitas», 1998. – S. 37, 41.

⁵ NKWD i polskie podziemie 1944–1945. Z «teczek specjalnych» Józefa W. Stalina. – S. 43–44.

около 8 000 солдат из бригад, сконцентрированных вокруг Вильно⁶. Примерно 4 000 партизан были заключены под стражу во временном лагере в местечке Медники-Крулевских (в 28 км к югу от Вильнюса), около 2 500 из них позднее были освобождены, более 400 – направлены в армию Берлинга⁷. В начале августа 1944 г. аковцы Виленско-Новогрудского округа были вывезены двумя транспортами в Калугу. В Вильнюс они никогда больше не вернулись⁸.

Постепенно стали усиливаться репрессии НКВД и НКГБ в отношении польского населения Виленщины. Русские обращались со всеми жителями этого региона, включая поляков, как с гражданами своего государства. Они считали, что эти люди обязаны проходить военную службу в рядах советской армии. Начался массовый призыв в РККА, который поляки посчитали «тайным» из-за того, что призыв не был официально объявлен, и который вызывал страх перед возможной высылкой в лагеря. Террор привел к созданию партизанских отрядов из скрывавшихся от мобилизации людей. К борьбе с польским подпольем привлекались внутренние войска НКВД Литовской ССР, войска НКВД для охраны тыла 1-го Прибалтийского фронта, 1-го, 2-го и 3-го Белорусских фронтов, а также погранвойска НКВД. В этих операциях также принимали участие фронтовые и запасные части советской армии.

---

⁶ Советский фактор в Восточной Европе 1944–1953: Документы: в 2 т. Т. I: 1944–1948 / ответственный редактор Т.В. Волокитина. – Москва: РОССПЭН, 1999. – С. 66.

⁷ Политбюро ВКП(б) 19 апреля 1943 г. приняло решение о создании польского военного формирования, которое могло бы действовать наряду с Красной Армией. Им стала 1-я Польская пехотная дивизия имени Тадеуша Костюшко. С мая 1943 г. ею командовал полковник Зигмунд Берлинг, сотрудник НКВД. Политическое руководство этим воинским формированием осуществлял коммунистический «Союз польских патриотов». Солдатский состав набирался из трудовых лагерей. В них попали солдаты, которые по разным причинам не смогли присоединиться к армии генерала Владислава Андерса, эвакуированной в Иран в 1942 году. Вступление в армию Берлинга было для этих людей единственным шансом вернуться в Польшу. См.: *Cenckiewicz S. Geneza Ludowego Wojska Polskiego 1943–45.* – Warszawa: Akademia Sztuki Wojennej, Dreams Art, Walenciak Krzysztof, 2017.

⁸ После отказа принести присягу, текст которой был идентичен присяге для советских военнослужащих, почти 3 800 поляков были высланы в середине сентября 1944 г. на лесозаготовки в Московскую область (группа «Кривандино»), а оттуда в декабре 1945 г. под Киров (Калужская область). Большинство из них вернулось в Польшу в начале января 1946 г., небольшая часть, как «опасный элемент», осталась в СССР. См.: *Indeks Represjonowanych. T. XIX: Wywiezieni do Kaługi. Alfabetyczny wykaz 4936 żołnierzy Armii Krajowej oraz poborowych Polaków z Wileńszczyzny i Nowogródzczyzny przymusowo wcielonych do 361 zapasowego pułku piechoty Armii Czerwonej od sierpnia 1944 do stycznia 1946 / redakcja A. Dzieńkiewicz, A. Gurjanow.* – Warszawa: Ośrodek KARTA, 2008.

Бой за Вильнюс. Патруль Армии Крайовой и
Красной Армии во время операции «Острая брама», июль 1944 г.
Источник: *Кораб-Зебрик Р.* Вильнюсская операция Армии Крайовой. –
Варшава: PWN Scientific Publisher, 1985. – С. 417.

Четким действиям советского репрессивного аппарата способствовала разветвленная разведывательно-агентурная сеть. Осведомители вербовались среди бывших солдат и офицеров АК, многие из которых давали исчерпывающие показания. Например, подполковник Любослав Кжешовский («Людвик») начал сотрудничество с советскими органами госбезопасности, активно разоблачая структуры АК, следствием чего стали засады и аресты участников польского сопротивления. Сотрудники НКВД-НКГБ также использовали информацию и от «штатских» агентов. Некоторых принуждали к сотрудничеству шантажом, используя «компромат», например, сведения о контактах с немцами, или угрожая арестом за сотрудничество с АК. Определенная доля информации была получена от советских партизан, которые во время войны разрабатывали польские структуры на Виленщине.

Одной из возможностей спастись от советского террора – было покинуть Виленщину в рамках т. н. репатриации, то есть *de facto* принудительного переселения. Соответствующие договоры по обмену населением были подписаны 22 сентября 1944 г. Польским комитетом национального освобождения – временным (с 21 июля по 31 декабря 1944 г.) органом исполнительной власти Польши, по сути, марионеточным советским образованием – и правительством Литовской ССР. Польское население на Виленщине очень неохотно регистрировалось для отъезда в Польшу. Только с наступлением 1945 г. положение изменилось, и началась массовая регистрация для отъезда, списки которой к маю насчитывали 334 007 человек. Однако

объявленная программа репатриации не привела к ожидаемым результатам: к 1 июня 1945 г. с территории Виленщины уехало лишь 29 051 человек. В общей сложности, в 1945–1946 гг. (в связи с продлением срока репатриации) из Литовской ССР уехало приблизительно от 171 до 197 тыс. поляков, еще некоторое их количество перешло границу нелегально. Фактически произошла деполонизация Виленщины⁹.

Как уже упоминалось выше, вскоре после занятия Вильнюса советскими войсками начались аресты солдат АК и гражданского населения. Их задерживали на улицах, рыночных площадях, ночью в собственных домах. По рассказам очевидцев, это напоминало времена гитлеровской оккупации. Согласно имеющимся данным, в период с июля 1944 г. по 20 февраля 1945 г. было задержано 26 122 человека¹⁰. Многие солдаты АК были осуждены советскими военными судами по статье 58 Уголовного кодекса СССР, в том числе за «измену советскому государству», «принадлежность к преступной организации АК» и шпионаж. Было вынесено несколько десятков смертных приговоров и несколько сотен приговоров со сроком от 10 до 25 лет трудовых лагерей с пятилетним лишением гражданских прав. Осужденные отбывали наказания в лагерях ГУЛАГа, находившихся в районах Котласа, Воркуты, Колымы и на территории Казахстана¹¹. Лица, обвинявшиеся в принадлежности к «польской националистической контрреволюционной организации» (в советских документах так были охарактеризованы солдаты Армии Крайовой), но на кого не было найдено конкретных доказательств участия во вражеской деятельности против Советского Союза, направлялись в проверочно-фильтрационные лагеря (ПФЛ): № 283 в Сталиногорске (сейчас Новомосковск), № 240 в Донбассе, № 0321 в Елшанке, вблизи Саратова, № 140 в Калинин (сейчас Тверь)¹².

Похожий сценарий был осуществлен на территории Львовского округа АК. Участники операции «Буря» во Львове отдавали себе отчет в том, что солдатам АК угрожает разоружение. Отряды были рассредоточены, но к середине июля их объединили, с тем, чтобы с 23 по 27 июля 1944 г. солдаты АК могли совместно с советскими войсками сражаться за Львов. Они сыграли ключевую роль, защищая советские танки, отрезанные от снабжения. Отдельные городские взводы АК смогли самостоятельно овладеть Цитаделью,

---

⁹ Подробнее см.: *Srebrakowski A.* Polacy w Litewskiej SRR 1944–1989. – Toruń: Adam Marszałek, 2000. – S. 98–100.

¹⁰ *Rogut D.* Polacy z Wileńszczyzny w obozach sowieckich «saratowskiego szlaku» (1944–1949). – Toruń: Adam Marszałek, 2003. – S. 36.

¹¹ *Zavadzka A.* Duszpasterstwo polskie na Wileńszczyźnie w okresie sowieckim (1944–1990). – Białystok: Instytut Pamięci Narodowej, 2017. – С. 85–87.

¹² С февраля по апрель 1945 г. в ПФЛ были высланы, по меньшей мере, 7 400 человек. См.: *Rogut D.* Polacy z Wileńszczyzny w obozach sowieckich «saratowskiego szlaku». – S. 57.

Политехническим институтом, районом аэродрома в Скнилове, заняли Главпочтамт, Ратушу, газовый завод, электростанцию и городской водопровод, одновременно предотвратив эксцессы с украинской стороны. В общей сложности, в боях за Львов приняли участие около 3 тыс. аковцев, а на территории всего Львовского округа сражались около 7 тыс. солдат АК, из которых погибли около 700 солдат¹³. После освобождения Львова в городе царил радостная атмосфера. По воспоминаниям секретаря Львовского городского комитета КП(б) Украины Чуписа:

В первый день после освобождения Львова Красной Армией от немецко-фашистских захватчиков чувствовалось хорошее настроение среди польской части населения, чему способствовала работа польских националистов. Почти на всех домах были вывешены национальные флаги, поляки ходили вооруженные, с повязками на руках¹⁴.

Уже 26 июля подполковник Владислав Филипковский («Янка») заявил в штабе 1-го Украинского фронта о готовности отрядов АК к дальнейшей совместной борьбе против немцев и предложил создать 5-ю Львовскую пехотную дивизию АК, подчиняющуюся политически польскому правительству в Лондоне, а оперативно – командованию РККА. Советская сторона поблагодарила его за сотрудничество, помощь, оказанную в боях за Львов и на других участках. Был осуществлен обмен офицерами связи между командованием. Однако напряжение усиливалось, и в ходе переговоров с мнимым «генералом Ивановым» (генерал И.А. Серов), советская сторона потребовала от АК сложить оружие и распустить все отряды. Подполковник Филипковский согласился отдать соответствующий приказ, и в этот же день, 28 июля 1944 г., отряды АК во Львове были распущены и сложили оружие. Однако Филипковский продолжал искать компромиссное решение, для чего 31 июля с группой офицеров вылетел в Житомир на встречу с генералом Михалом Роля-Жимерским (командующим «народным» Войском Польским) для обсуждения дальнейшего сотрудничества и возможного создания дивизии¹⁵. После переговоров, проходивших в позитивной атмосфере, в ночь на 3 августа все аковцы были арестованы и доставлены в киевскую тюрьму НКВД, а затем переданы «Смершу» 1-го Украинского фронта. В дальнейшем они прошли через несколько тюрем, включая Тшебускую, после чего попали в

---

¹³ Armia Krajowa w dokumentach, 1939–1945: w 6 t. T. 3: Kwiecień 1943 – lipiec 1944 / komitet redakcyjny T. Pelczyński, et. al. – Londyn: Studium Polski Podziemnej, 1976. – S. 586–587, 592.

¹⁴ Mitzner P. Oczyszczyć Lwów // Karta. – 1995. – № 17. – S. 135.

¹⁵ Armia Krajowa w dokumentach 1939–1945. T. 3. – S. 591.

лагерь контрразведки «Смерш» в Харькове, а затем в лагерь для военнопленных и интернированных № 178-454 в Рязани¹⁶.

Офицеров и солдат АК предавали военным трибуналам и осуждали за «контрреволюционную деятельность» к заключению в исправительно-трудовых лагерях. Одна из приговоренных – Мария Вежбицкая – сообщала:

Положение становилось все более и более абсурдным. Нас арестовали исключительно за антинемецкую деятельность. До окончания следствия, до самого суда, никому из группы не доказали антисоветскую деятельность и в обвинительном акте нас в этом не обвиняли. Мы были членами польской подпольной организации, образованной для борьбы с гитлеровским оккупантами. В связи с чем мы не ожидали каких-либо репрессий со стороны СССР, который ... был нашим союзником в борьбе с Германией. Единственное, в чем нас обвиняли, это принадлежность к организации, которой руководило польское эмиграционное правительство в Лондоне, <...> следственные органы намекали, что организации, управляемые Лондоном, намеревались «оторвать» Львов и польские восточные территории от СССР¹⁷.

В очистке города от «польского элемента» должен был помочь и т. н. репатриационный договор, подписанный 9 сентября 1944 г. Польским комитетом национального освобождения и правительством Украинской ССР. Однако он не принес ожидаемых результатов: поляки не покидали город. Как отмечает Гжегож Хрыцюк:

Характеризуемая поляками как патриотическая, а советской стороной как «националистическая», позиция польского населения – непоколебимой стойкости и убеждения в принадлежности Львова к Польше, была результатом, между прочим, чувства силы среди польского населения города. <...> На улицах преобладал польский язык. Привязанность к своей маленькой отчизне, но прежде всего непоколебимое убеждение в том, что Львов останется в границах польского государства, в значительной мере предопределили провал эвакуационной акции. <...> К декабрю 1944 г. во Львове и пригородах зарегистрировалось 4 791 человек, а уехало 2 131¹⁸.

---

¹⁶ *Balbus T.* Sowietci i Żymierski a lwowska AK w 1944 // *Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej*. – 2004. – № 12. – S. 67–79; *Rogut D.* Ucieczki żołnierzy Armii Krajowej z obozu NKWD-MWD nr 178-454 w Riazaniu (1945–1946) // *Dzieje Najnowsze*. – 2008. – № 3. – S. 79–93.

¹⁷ *Wierzbicka M.* Lwów–Ural–Komi. Więzienie, łagry, zesłanie. – Wrocław: Zrzeszenie «Wolność i Niezawisłość», 1993. – S. 15.

¹⁸ *Hryciuk G.* «Sprawa Lwowa właściwie wciąż otwarta». Między nadzieją a zwątpieniem – Polacy we Lwowie w 1945 r. // *Dzieje Najnowsze*. – 2005. – № 4. – S. 116.

Однако советские власти не намеревались терпеть польское большинство в городе. Как справедливо отмечает Славомир Кальбарчик,

проблему с поляками, не желавшими покинуть Львов, советские власти решили в свойственной им манере – с применением террора. Польское общество должно было получить четкий сигнал, что сопротивление переселению недопустимо, наоборот, “саботирующие” договор об “эвакуации” населения должны считаться с репрессиями такого характера¹⁹.

Основанием для проведения массовых арестов стала директива Л.П. Берии № 524 от 20 декабря об аресте «участников белопольского подполья АК и польских реакционных элементов»²⁰. Советский источник от 19 января сообщал, что «по состоянию на 15 января 1945 г. были арестованы в общей сложности 5 809 человек, из них органы НКГБ арестовали 3 036 человек, органы НКВД – 2 773 человека»²¹. Репрессивные акции принесли ожидаемые результаты, так как

в большой степени они способствовали изменению настроений и хода переселения поляков, которые массово стали требовать ускорения их отъезда в Польшу. В связи с проведенными арестами польских антисоветских элементов, многочисленные поляки, опасаясь дальнейших репрессий, стремятся ускорить свой отъезд²².

По состоянию на 20 февраля 1945 г. во Львове в репатриационных списках было зарегистрировано почти 17 тыс., а к концу февраля – почти 22 тыс. человек. Несмотря на напряженную обстановку, поляки медлили покинуть город, и только объявление решений Ялтинской конференции изменило

---

¹⁹ *Kalbarczyk S.* Polscy pracownicy nauki – ofiary zbrodni sowieckich w latach II wojny światowej. Zamordowani, więzieni, deportowani. – Warszawa: Neriton, 2001. – S. 216.

²⁰ *Hryciuk G.* “Sprawa Lwowa właściwie wciąż otwarta”. – S. 117.

²¹ Специальная информация от С. Савченко В. Рясному об арестах членов польского подполья и реакции населения (Львов, 19 января 1945 г.) // *Polska i Ukraina w latach trzydziestych–czterdziestych XX wieku. Nieznane dokumenty z archiwów służb specjalnych. T. VI: Operacja “Sejm” 1944–1946 / komitet redakcyjny przewodniczący J. Bednarek, et al.* – Warszawa; Kijów: Archiwa Ministerstwa Spraw Wewnętrznych i Administracji Rzeczypospolitej Polskiej; Instytut Pamięci Narodowej – Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu; Instytut Badań Politycznych i Narodowościowych Narodowej Akademii Nauk Ukrainy; Państwowe Archiwum Służby Bezpieczeństwa Ukrainy, 2007. – S. 431.

²² Цит. по: *Kalbarczyk S.* Polscy pracownicy nauki – ofiary zbrodni sowieckich w latach II wojny światowej. – S. 217.

отношение поляков, особенно во Львове, и к концу марта для отъезда зарегистрировалось почти 35 тыс. человек²³.

«Контрреволюционный элемент», арестованный в январе 1945 г., 4 февраля был направлен в проверочно-фильтрационный лагерь № 0310 в Краснодоне Ворошиловградской области (Донбасс). Среди них были университетские преподаватели, адвокаты, учителя, чиновники, а также солдаты и медперсонал АК. Судьба польского Львова была решена...

Разоружения не избежал и Люблинский округ АК под командованием полковника Казимежа Тумидайского («Марцина»). На территории округа планировалось образовать 3-ю пехотную дивизию АК с 7-м, 8-м, 9-м пехотными полками, 9-ю пехотную дивизию АК с 34-м и 35-м пехотными полками, а также 28-ю пехотную дивизию АК с 15-м пехотным полком и другими частями. В Люблинском округе была одна из самых больших (около 12 000 чел.) и лучше всего вооруженных конспиративных организаций. На территории Люблинщины находились также советские диверсионно-разведывательные отряды, коммунистические отряды Армии Людовой, а в двух восточных повятах (средняя административно-территориальная единица в Республике Польша. – *ред.*) – отряды Украинской Повстанческой Армии.

В период «Бури» АК провела около 150 вооруженных акций, повлекших за собой ощутимые потери в стане противника. Части 27-й Волынской пехотной дивизии АК, также находившиеся на территории Люблинщины, освободили Любартув, Коцк и Фирлей. Другие отряды самостоятельно завладели рядом населенных пунктов, в том числе Белжецом, Ужендовом и Вонвольницей, а вместе с частями 1-го Белорусского фронта – Хелмом (Холмом), Томашув-Любельском, Лукувом, Пулавами, Радзиль-Подляском, Седльцами, Мендзыжецом, Замостьем и Люблином.

В Хелме, первом польском городе, которым завладела РККА, 22 июля 1944 г. было объявлено о создании Польского комитета национального освобождения (далее – ПКНО), который *de facto* был учрежден в Москве. Согласно плану Сталина, он должен был стать временной исполнительной властью. Однако 25 июля 1944 г., после освобождения Люблина, из подполья вышла Делегатура правительства (Представительство правительства на Родине – тайный высший орган административной власти в оккупированной Польше, образованный в 1940 году. – *ред.*) во главе с Владиславом Холевой («Пасьником»). Патрули Государственного корпуса безопасности начали следить за порядком на улицах города. В целом, национально-освободительное подполье на Люблинщине было настолько сильно, что какое-то время существовало двоевластие, обнажая слабость создаваемых тогда структур

---

²³ Hryciuk G. “Sprawa Lwowa właściwie wciąż otwarta”. – S. 125.

коллорационистского Польского комитета национального освобождения²⁴. Но с постепенным укреплением позиций временной исполнительной власти начался период коммунистического режима²⁵.

Советские репрессии получили «юридическую силу» в тот момент, когда по распоряжению Сталина был создан ПКНО, который в качестве «административной власти» уже 26 июля 1944 г. подписал в Москве договор об отношениях с советским правительством. Из договора следовало, что ПКНО соглашается подчинить советской юрисдикции в зоне военных действий польское гражданское население, при этом глубина прифронтовой полосы этим договором определена не была²⁶. За безопасность и общественный порядок на этой территории отвечало командование фронтов, а также структуры НКВД.

Сначала в Хелме, а затем в Люблине, коммунисты, следуя советским директивам, начали организовывать польские органы безопасности. Полный контроль над их организацией и действиями осуществлял Н.А. Булганин – представитель Совета народных комиссаров СССР при ПКНО. В свою очередь, его правой рукой был генерал И.А. Серов. Был образован Департамент общественной безопасности во главе со Станиславом Радкевичем, с 1 января 1945 г. преобразованный в Министерство общественной безопасности. Аппарат безопасности стал одним из самых важных в структурах «новой власти», которая преследовала одну цель – советизацию Польши. Его сотрудники, прошедшие подготовку в НКВД, вскоре стали комендантами частей на местах: воеводских и повятовых Управлений безопасности²⁷.

Несмотря на проводимые «Марцином» переговоры, польские отряды были разоружены, в их числе разоруженная 25 июля в Скробове под Любартувом

---

²⁴ См.: *Materski W.* Polski Komitet Wyzwolenia Narodowego – narzucona władza // *W drodze do władzy. Struktury komunistyczne realizujące politykę Rosji Sowieckiej i ZSRS wobec Polski (1917–1945) / redactory E. Kowalczyk, K. Rokicki.* – Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej, 2019. – S. 519–530.

²⁵ *Wierzbicki M.* Polska lubelska (1944 r.) // *Dzieje Lubelszczyzny 1944–1956. Aspekty polityczne / pod redakcją T. Osiński, M. Mazur.* – Lublin: Instytut Pamięci Narodowej, 2016. – S. 73–86.

²⁶ Глубина прифронтовой полосы была определена в 60–100 км лишь постановлением Государственного комитета обороны СССР № 7558 сс от 20 февраля 1945 г. См.: *Советский фактор в Восточной Европе 1944–1953.* – С. 154.

²⁷ Исследователь истории аппарата безопасности Анджей Пачковский так характеризует его развитие: 1944–1945 гг. – период становления, в котором он исполнял вспомогательную роль для советского аппарата; 1945–1948 гг. – период борьбы с определенным политическим противником (период террора и пачификации) и 1948–1954 гг. – период всеобщего террора. См.: *Paczkowski A.* Ministerstwo Bezpieczeństwa Publicznego w latach 1944–1954 – struktury i mechanizmy działania // *System stalinowskich represji w Polsce. Represje w Marynarce Wojennej / redactor I. Hałagida.* – Gdańsk: Instytut Pamięci Narodowej – Komisja Ścigania Zbrodni Przeciwko Narodowi Polskiemu, 2003. – S. 15.

27-я Волынская пехотная дивизия АК²⁸ и 3-я пехотная дивизия АК в Замостье. Комендант Люблинского округа АК полковник Тумидайский 29 июля издал приказ о роспуске отрядов. Однако его самого арестовали, как и многих высших офицеров округа. В это же время коммунисты начали мобилизацию в новообразованные части 1-й Польской Армии генерала Зигмунта Берлинга. Это было связано с изданным 27 июля 1944 г. приказом Берлинга о разоружении отрядов Армии Людовой, АК и Крестьянских батальонов²⁹. Директива о ликвидации структур Армии Крайовой в Польше № 220169 была издана штабом Верховного главнокомандования СССР (Ставка) 1 августа 1944 года. На ее основании офицеры подлежали интернированию, а подофицеры и рядовые солдаты направлялись в запасные батальоны 1-й Армии Войска Польского³⁰. Одновременно Н.А. Булганин осуществлял конкретные директивы Сталина, касающиеся поддержки ПКНО при одновременной ликвидации выходивших из подполья политических центров, представлявших законное польское правительство в Лондоне. Как следовало из инструкции Совета народных комиссаров Н.А. Булганину от 2 августа 1944 г., всякая мобилизация, проводимая не ПКНО

является незаконной, а лица, проводящие такую мобилизацию, подлежат немедленному аресту как агенты немцев, вносящие смуту среди польского населения. ...Никаких органов власти, в том числе и органов польского эмиграционного «правительства» на территории Польши не признавать; лиц, выдающих себя за представителей этих органов, рассматривать как самозванцев и арестовывать как авантюристов³¹.

Советские действия, включая волну репрессий, привели к изданию 19 августа командиром АК генералом Коморовским («Бором») приказа о недопустимости мобилизации, объявленной ПКНО в восточных округах. Он

---

²⁸ *Śląski J.* Skrobów, dzieje obozu NKWD dla żołnierzy AK 1944–1945. – Warszawa: Rytm, 2003.

²⁹ *Grzelak Cz., Stańczyk H., Zwoliński S.* Bez możliwości wyboru. Wojsko Polskie na froncie wschodnim 1943–1945. – Warszawa: Bellona, 1993. – S. 52. Рядовых солдат АК первоначально мобилизовывали в ряды армии З. Берлинга, но после подавления Варшавского восстания и дезертирства 12 октября 1944 г. солдат 31-го пехотного полка в Бялке у Красныстава эта практика была прекращена, их стали помещать в тюрьмы и пересыльные лагеря.

³⁰ *Gryciuk F., Matuszek P.* Represje NKWD wobec żołnierzy podziemnego Państwa Polskiego w latach 1944–1945: w 2 t. T. 1. – Siedlce: Wydawnictwa Uczelniane Wyższa Szkoła Rolniczo-Pedagogiczna, 1995. – S. 108–109.

³¹ Из Варшавы. Москва, товарищу Берия...: документы НКВД СССР о польском подполье 1944–1945 гг. / составители: Т.В. Волокитина и др.; ответственный редактор А.Ф. Носкова. – Москва: Институт славяноведения РАН; Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – С. 341.

подчеркивал, что единственным органом, уполномоченным для ее объявления, является Польское правительство в изгнании. Одновременно по всей стране окружные подразделения АК информировали штаб-квартиру в Лондоне о сложной обстановке на местах, а также о советских решениях, которые признавали незаконными все органы, объявлявшие мобилизацию, за исключением ПКНО и РККА, а лиц ее проводивших – немецкими агентами (sic!)³². Необходимо подчеркнуть, что подчинение солдат АК власти ПКНО, вступление в ряды Войска Польского и принесение воинской присяги означали признание коммунистической власти и одновременное нарушение присяги польскому правительству в Лондоне. Для большинства это было неприемлемо.

Проводя умирительные мероприятия на местах и аресты командного состава, коммунисты одновременно злоупотребляли патриотической пропагандой и национальной символикой. Они подчеркивали необходимость реконструкции польского государства, открывали школы, насаждали администрацию, тем самым маскируя свою главную политическую цель – советизацию государства. Часть общества, уставшего от многолетней немецкой оккупации, наверное, действительно поддавалась этим иллюзиям. Коммунисты, однако, отдавали себе отчет в своем очень шатком политическом положении, учитывая лояльность большинства поляков законному правительству, находившемуся в изгнании в Лондоне. Они осуществляли задачи, поставленные их советскими хозяевами. Чтобы узаконить репрессии органов безопасности, ПКНО издал правовые акты, разрешающие устранять в судебном порядке политических противников. Первым из этих актов был введенный 23 сентября 1944 г. новый Уголовный кодекс Войска Польского. Он не только предусматривал во многих случаях применение высшей меры наказания, но и распространял ее на действия гражданских лиц, тем самым, исключая обвиненных в преступлениях против государства из сферы юрисдикции общих судов.

Начало массовых репрессий могло быть связано с т. н. октябрьским поворотом в политико-административных структурах «люблинской» Польши. 28 сентября – 3 октября 1944 г. в Москве находилась делегация Крайовой Рады Народовой (Государственного национального совета) и ПКНО. Рассматриваемые там вопросы были представлены 4 октября на заседании ПКНО Радкевичем, а 9 октября – на заседании политбюро ЦК

---

³² Сообщение от 18 июля 1944 г. Из Жешувского подокруга коменданту Краковского округа // *Armia Krajowa w dokumentach, 1939–1945*. Т. 4: Lipiec – październik 1944 / komitet redakcyjny T. Pelczyński. – Londyn: Studium Polski Podziemnej, 1977. – S. 151.

коллационистской Польской рабочей партии Владиславом Гомулкой³³. АК была представлена как главный враг нового порядка, с которым надо беспощадно сражаться. Вслед за этим началась «охота на ведьм из АК», их обвинение и осуждение на основании репрессивных нормативных актов. Главная задача по «организации борьбы с подпольем Армии Крайовой и другими незаконными частями, ведущими подрывную деятельность против ПКНО», осуществлялась в системном порядке³⁴. Очередные волны репрессий стимулировали продолжение бегства из армии. Так, ночью 12 октября 1944 г. дезертировали 1 400 солдат из 31-го полка 7-й пехотной дивизии под Красныставом³⁵.

Лучан Петрушко («Салатэк») – солдат Армии Крайовой
из Вильнюса, узник – без приговора – лагерей в Саратове, Кутаиси,
Астрахани и Боровичах (1945–1948).

Фото: Кутаиси (февраль 1947).

Источник: из личного архива Дариуша Рогута

---

³³ *Gontarczyk P.* PPR jako ekspozytura Kremla // *W drodze do władzy. Struktury komunistyczne realizujące politykę Rosji Sowieckiej i ZSRS wobec Polski (1917–1945)*. – S. 491–518.

³⁴ *Pietrow N.* *Stalinowski kat Polski*. Iwan Sierow. – Warszawa: Demart, 2013. – S. 49.

³⁵ *Teczka Specjalna J.W. Stalina. Raporty NKWD z Polski 1944–1946*. – Warszawa: Rytm, 1998. – S. 67.

Роль «союзнических» военных частей можно определить на основании инструкции военных комендантов от 10 октября 1944 г. Так же, как и на других «освобожденных» территориях, все наиболее важные населенные пункты «люблинской Польши» были подчинены советской военной администрации. Согласно инструкции, наряду с сугубо военными делами, у комендантов были политические обязанности. Они должны были признавать исключительно местную власть в лице ПКНО, а если таковой не было, «временно назначить старосту из сторонников ПКНО». У них также было право подавления общественных беспорядков, которые угрожали нормальной работе органов власти, назначенных ПКНО³⁶.

Ведущую роль НКВД в ликвидации национально-освободительного подполья с 1 августа 1944 г. демонстрирует отчет о деятельности коммунистических разведки и контрразведки от 12 марта 1945 г. У советского аппарата безопасности была задача выявления и ареста членов АК, Крестьянских батальонов, Национальных вооруженных сил, а также фольксдойче (этнических немцев, живших за пределами Германии. – *ред.*). Благодаря советским осведомителям в высших эшелонах подпольных структур, донесениям коллаборационистов из Польской рабочей партии и Армии Людовой, а также применению пыток при допросах подозреваемых, новые оккупанты добились оперативных успехов.

25 октября 1944 г. генерал И.А. Серов, отвечавший за ликвидацию польского подполья на Люблинщине и за организацию оперативно-следственных групп, рапортовал:

В данный момент все части НКВД, расположенные в повятах, установили связь с нашими повятовыми опергруппами, и на основании имеющихся у них агентурных и следственных материалов они подготовили план военной операции против бандформирований АК, в случае вооруженного сопротивления – их ликвидацию³⁷.

Схваченных аковцев подвергали активному следствию, во время которого их не только избивали, но и пытали. Большинство не выдерживали подобных следственных методов и *сообщали* адреса конспиративных точек и квартир. Между 16 и 21 октября военная контрразведка «Смерш» и НКВД усилили интенсивность своих действий. В засады, организованные в раскрытых контактных точках, попали многие солдаты АК³⁸. Арестованные в Люблине направлялись в здание НКВД на ул. Шопена, 18, где их не только допрашивали

³⁶ Gryciuk F., Matuszek P. Represje NKWD wobec żołnierzy podziemnego Państwa Polskiego w latach 1944–1945. T. I. – S. 302–308.

³⁷ Teczka Specjalna J.W. Stalina. Raporty NKWD z Polski 1944–1946. – S. 71.

³⁸ NKWD i polskie podziemie 1944–1945. Z «teczek specjalnych» Józefa W. Stalina. – S. 52–54.

на русском языке, но и подвергали как физическому, так и психическому воздействию. Подполковник Эдвард Ясиньский («Нурт») был настолько избит, что

у него голова и лицо забинтованы, видны лишь глаза, он передвигался с большим трудом. Заключение утверждали, что он не хотел подписать сфабрикованных обвинений и поэтому с ним так жестоко обошлись³⁹.

За несколько месяцев органы НКВД и контрразведки РККА «Смерш» арестовали 30 офицеров из командования округа, включая коменданта, всех начальников штабов (шестерых расстреляли, шестерых выслали в лагерь), пятерых инспекторов (четырёх расстреляли, одного выслали в лагерь), 8 комендантов районов и подрайонов. Многие командиры были убиты, например, командиры 8-го и 9-го пехотных полков. Большинство командиров, начальников штабов и высших офицеров 3-й, 9-й и 27-й волыньских пехотных дивизий АК были арестованы⁴⁰.

Главную роль в борьбе с отрядами АК сыграли части НКВД. Наиболее интенсивные действия проводились 64-й сводной стрелковой дивизией войск НКВД. Она насчитывала почти 10 тыс. солдат. Возглавлял ее генерал-майор Б.П. Серебряков. В общей сложности, до 11 ноября советские органы безопасности арестовали 4 200 членов АК и их сотрудников (так в документах. – Д. Р.). В свою очередь, к концу 1944 г. в результате действий дивизии были задержаны 16 820 человек, включая 2 604 солдат АК, 691 дезертиров из Войска Польского и 1 083 лица, избегавших воинской повинности⁴¹.

Стоит также отметить, что на территории Польши одновременно действовали уполномоченные НКВД: в зоне 1-го Украинского фронта – П.Я. Мешик, в зоне 2-го Белорусского фронта – Л.Ф. Цанава. Заведая отдельными опергруппами, они также проводили активные аресты «вражеского элемента»⁴².

---

³⁹ *Leszczyńska Z.* Procesy sądowe w latach 1944–1956 wobec członków organizacji niepodległościowych na Lubelszczyźnie // *Przestępstwa sędziów i prokuratorów w Polsce lat 1944–1956* / redactory W. Kulesza, A. Rzepliński. – Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej, 2000. – S. 141.

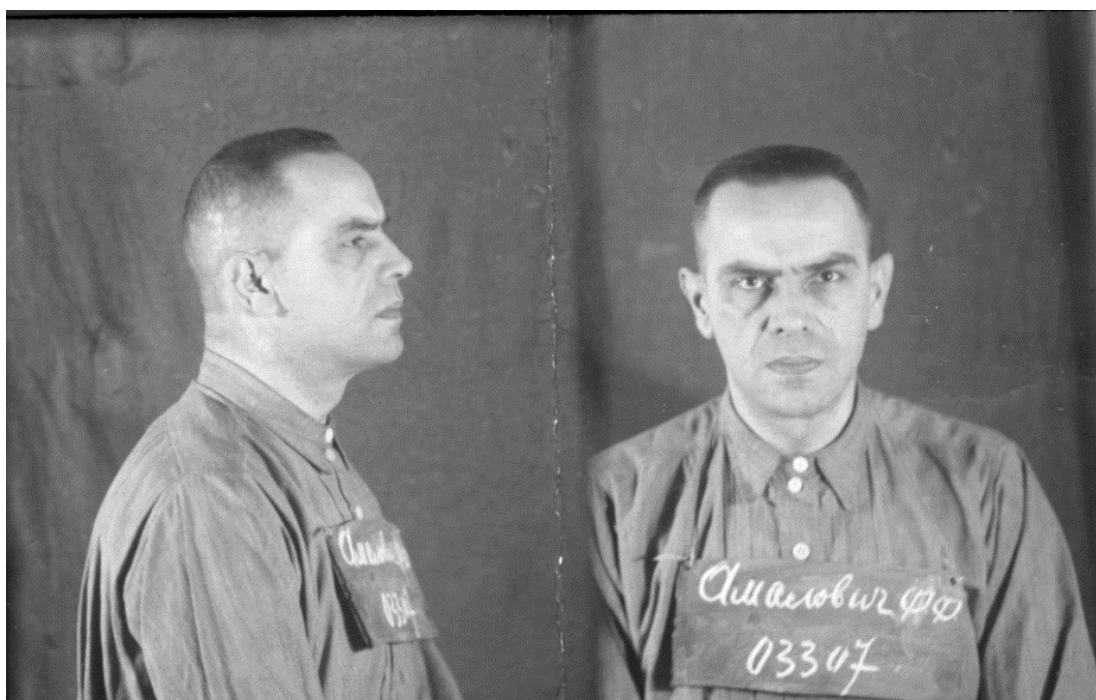
⁴⁰ *Caban I.* Okręg Lublin Armii Krajowej // *Armia Krajowa. Rozwój organizacyjny* / redactor K. Komorowski. – Warszawa: Bellona, 1996. – S. 75–97.

⁴¹ Период интенсивной борьбы продолжался до августа 1945 г. Тогда в 54 сражениях были убиты 927 солдат АК, 43 – были ранены, в плен попали 1 083. См.: *Chmielarz A.* Rola służb sowieckich w organizacji zwalczania polskiego podziemia niepodległościowego // *Pion walki z podziemiem niepodległościowym RBP/MBP 1944–1954* / redactor T. Ruzikowski. – Warszawa: Wydawnictwo T. Ruzikowski, 2016. – S. 77–109.

⁴² *Pietrow N.* Działalność NKWD w Polsce w latach 1944–1945 // *W drodze do władzy. Struktury komunistyczne realizujące politykę Rosji Sowieckiej i ZSRS wobec Polski (1917–1945)*. – S. 541.

Задержанные содержались в бывших зданиях немецких служб Зипо (Полиция безопасности) и Кристо (Криминальная полиция) на улицах: Шопена, Ясной, Липовой и Зеленой. Жестокие допросы и казни без приговоров стали символом «народной власти», а сам Люблинский замок (бывший гестаповский застенок) был превращен в пересыльную тюрьму на восток. К середине 1945 г. это была одна из самых больших тюрем органов безопасности на польской территории. Там содержалось большинство офицеров Люблинского округа АК, которых допрашивали, зверски пытали и часто расстреливали, как например, тяжелообольного подполковника Эдварда Ясиньского (его пытали во время следствия и убили 15 марта 1945 г., на казнь его принесли на носилках) и свыше 100 других аковцев⁴³.

Сложно определить точное число поляков, арестованных и высланных с Люблинщины. Исходя из данных по лагерям военнопленных № 178-454 и № 270, а также проверочно-фильтрационным лагерям № 0302 в Кизеле и № 280 в Сталиногорске, его можно считать равным примерно 6 000 человек⁴⁴.

Франциск Михал Амалович («Татар») – майор, врач, офицер польской армии, Армии Крайовой, узник лагерей (1945–1954) в Сталиногорске, Кирове, спецлагере 1-м (Минеральный – Минлаг). Фото: Сталинград (1950).

Источник: из личного архива Дариуша Рогута

⁴³ *Kielasiński A.* Raport o zabijaniu // *Stalinizm w Polsce*. – Lublin, 1997. – URL: <http://www.stalinizmwpolce.com/Lublin.html> (дата обращения: 21.02.2020).

⁴⁴ См., например: *Rogut D.* Polacy w obozie kontrolno-filtracyjnym nr 283 NKWD-MWD w Stalinogorsku (1945–1947) // *Od Rosji po Bliski Wschód: Studia historyczne z XX w.* / redactor D. Rogut. – Żelów: Atena, 2010. – S. 175–208.

Перед началом массовых арестов солдат АК и польских граждан правительство Польской республики в изгнании предприняло решительные дипломатические действия в отношении западных держав. Уже 18 июля 1944 г. премьер-министр польского правительства Станислав Миколайчик в беседе с премьер-министром Великобритании и министром обороны Уинстоном Черчиллем затронул вопрос арестов⁴⁵. Обширный меморандум, касающийся Виленской АК, был передан 24 июля генералом Марианом Кукелем британскому секретарю Комитета начальников штабов Гастингсу Исмею. Переговоры продолжились 25 июля, когда премьер-министр Миколайчик и министр иностранных дел Тадеуш Ромер встречались с британским министром иностранных дел Энтони Иденом.

Документ с идентичным содержанием был передан американскому дипломату Рудольфу Шёнфельду, а также отправлен в Госдепартамент США. Посол Эдвард Рачиньский 31 июля 1944 г. вручил сэру Александру Кадогану ноту, содержащую депешу от делегата правительства и главнокомандующего АК, требующую признать АК «частью армий антигитлеровской коалиции», что смогло бы предотвратить дальнейшие репрессии. Очередным шагом, рассчитанным на оказание давления на союзников, была нота Рачиньского министру Идену от 25 августа 1944 г. Посол привел в ней многочисленные примеры массовых арестов и убийств, совершенных Советами в отношении солдат АК на территории т. н. «люблинской Польши». 7 и 19 октября 1944 г. Рачиньский также передавал министру Идену ноты протеста, касающиеся обращения советских властей с членами АК на территории Польской Республики. Среди прочего, он обращал внимание на то, что задержанные поляки обвиняются в «фашизме» и «сотрудничестве с немцами»⁴⁶.

К сожалению, дипломатическая деятельность, протесты и призывы правительства и польского общества не принесли никаких результатов. Западные державы не предприняли никаких действий в защиту польского подполья и территориальной целостности своего самого верного союзника.

Репрессии не миновали и Белостокский округ АК во главе с полковником Владиславом Линярским («Мстислав»). После переговоров с советской стороной 27 июля 1944 г. были арестованы майор Владислав Кауфман («Богуслав») и делегат Польской республики в Белостокском округе Юзеф Пжибышевский. В Белосток, кроме дислоцировавшегося там 108-го

---

⁴⁵ Historia dyplomacji polskiej: w 6 t. T. 5: 1939–1945 / redactor W. Michowicz. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1999. – S. 522.

⁴⁶ О польско-британских отношениях см. например: Kornat M. Porzucenie sojusznika i odruch współczucia. O brytyjskiej percepcji spraw polskich w roku 1944 // Polska 1944. Perspektywa sojuszników i wrogów / pod redakcją M. Grądzka-Rejak, D. Golik. – Kraków: Wydawnictwo WAM, 2016. – S. 93–144.

пограничного полка 64-й дивизии НКВД, дополнительно были направлены два полка войск НКВД (всего 4 500 солдат), 200 сотрудников «Смерша» и НКГБ БССР, а также стрелковая дивизия. Прямое командование частями НКВД принял на себя генерал-майор М.С. Кривенко. Руководителями всех усмирительных мероприятий на Белосточине были начальник Главного управления контрразведки «Смерш» В.С. Абакумов и народный комиссар НКГБ БССР Л.Ф. Цанава. Подчиненным им структурам было приказано

разоблачить и арестовать руководство и членов Армии Крайовой, агентуры польского эмиграционного правительства, руководство и членов других польских подпольных организаций, осуществляющих диверсионную деятельность против Комитета национального освобождения и частей Красной Армии⁴⁷.

Волна репрессий быстро накрыла всю Белосточину. За несколько дней (с 1 по 8 ноября 1944 г.) органы «Смерш» и НКВД арестовали 1 200 солдат АК и других организаций, были разоружены около 1 080 солдат. Когда проводились аресты, у советских властей уже существовал разработанный план выселения «опасного элемента» с Белосточины. Доказательством тому служит тот факт, что уже утром 8 ноября 1944 г. в лагерь № 41 в Осташкове был отправлен первый транспорт, состоящий из 1 030 человек. Всего тремя транспортом из Белостокской тюрьмы в лагерь было доставлено 2 905 человек, включая 383 женщины и 11 детей. Очередные транспорты – 27 декабря (790 человек) и 30 января 1945 г. (1 242 человек) – были направлены в проверочно-фильтрационный лагерь № 283 в Сталиногорске⁴⁸. Через несколько месяцев в окрестностях Августова и Сувалок в ходе облавы, проводившейся с 10 по 25 июля 1945 г., отрядами РККА, НКВД и отдельными отрядами «народного» Войска Польского и Управления безопасности, были убиты почти 600 поляков⁴⁹.

Расправа с АК охватила территорию всей страны. Она коснулась и солдат возрождаемой в окрестностях Минск-Мазовецкого 8-й пехотной дивизии АК, а также большинства отрядов Варшавской территории АК, сумевших

---

⁴⁷ NKWD i polskie podziemie 1944–1945. Z «teczek specjalnych» Józefa W. Stalina. – S. 63–66.

⁴⁸ Елисеева Н.Е. и др. Каталог эшелонов с интернированными поляками, отправленными вглубь СССР // Репрессии против поляков и польских граждан. – Москва: Звенья, 1997. – С. 220–221.

⁴⁹ Подробнее см.: *Obława Augustowska – lipiec 1945 r. Wybór źródeł / redactory J.J. Milewski, A. Pyżewska.* – Białystok: Instytut Pamięci Narodowej, 2010; *Maciejowska A. Przerwane życiorysy. Obława Augustowska – lipiec 1945 r.* – Białystok: Instytut Pamięci Narodowej, 2010.

самостоятельно освободить Венгров, Радзымин и Минск-Мазовецкий. Почти все части, спешившие на помощь Варшавскому восстанию, были разоружены. Такая же судьба постигла и 30-ю пехотную дивизию АК Полесского округа в Дембе-Вельке у Отвоцка⁵⁰. Аресты членов гражданского и военного польского подполья в окрестностях Седлец, Воломина и Радзымина происходили вскоре после того, как через эту местность прошла линия фронта. Их заключили в спецлагерь (пересыльный лагерь для военнопленных) № 10 НКВД в Рембертуве. После допросов заключенные были направлены в Соколув-Подляский и 26 марта 1945 г. высланы в лагерь для военнопленных № 231 на Урале, в Свердловской области⁵¹.

Аресты проводились и в Жешувском подокруге АК (кодовое название операции «Огниво»), входящем в состав Краковского округа АК. Его возглавлял полковник Казимерж Путек («Зворны»). На Жешувщине с середины сентября 1944 г. началось образование структур коммунистического аппарата безопасности. Кроме воеводского управления общественной безопасности в Жешуве были созданы повятовые управления на местах. Только в одном Кольбушовском районе были высланы в лагеря 305 человек, включая 223 солдат АК и КБ. Аналогичные массовые аресты были проведены советско-коммунистическими силами в Бжозовском повяте (арестовано более 100 солдат)⁵². Самой большой тюрьмой Жешувщины был замок Любомирских в Жешуве. В среднем там содержались от 200 до 300 человек, в большинстве своем солдаты АК. Арестованных передавали советской стороне, так, с 15 по 29 ноября 1944 г. были переданы 140 поляков, из которых большинство было направлено в лагерь НКВД № 270 в Боровичах.

Волна арестов, начавшаяся в середине июля 1944 г., постепенно нарастала, охватывая всю территорию Польши. Вначале они касались, прежде всего, командного состава АК, который изолировали, а затем отправляли вглубь Советского Союза (Харьков, Рязань). Однако репрессии коснулись и рядовых членов подполья. На многочисленные случаи дезертирства солдат АК из «берлинговских» частей повлияла, в том числе, и оперативная активность такого функционирующего в армии репрессивного органа, как Военная информация. Это образование отвечало в польской армии, помимо прочего, за «борьбу с врагами ПКНО и антисоветской деятельностью». Как правило, после

---

⁵⁰ Более подробно см.: *Grat–Wieteska Z. 30 Polska Dywizja Piechoty Armii Krajowej.* – Pruszków: Oficyna Wydawnicza “Ajaks”, 1993.

⁵¹ *Kalbarczyk S. Sowietkie represje wobec polskiego podziemia niepodległościowego w Warszawie i okolicach na przełomie 1944 i 1945 roku // Pamięć i Sprawiedliwość.* – 2002. – № 2. – S. 139–155.

⁵² *Fornal P. Konspiracja akowska i poakowska w powiecie brzozowskim (1939–1949). Geneza, struktura, działalność i likwidacja.* – Rzeszów: Instytut Pamięci Narodowej, 2010. – S. 148–205.

чрезвычайно жесткого следствия, проводимого в тесном сотрудничестве со СМЕРШем, арестованные аковцы размещались в тюрьмах и лагерях УБ и НКВД: в Скробове у Любартува, Соколув-Поляском, Люблине, Рембертуве, Майданеке и Кжеслине у Седлец⁵³. Массовые репрессии и советизация Польши, а также повсеместное нарушение гражданских прав были замечены даже сотрудниками судебного аппарата Войска Польского. Один из прокуроров 2-й Армии Войска Польского докладывал в ноябре 1944 г., после инспектирования нескольких изоляторов Корпуса внутренней безопасности:

Большинство арестованных ни в чем конкретном не обвиняются, не хватает материалов для возбуждения следствия, несмотря на это, людей держат в заключении. Часть арестованных, подозреваемых в принадлежности к АК (согласно документу, изданному начальником Департамента общественной безопасности Радкевича) высылаются следственными органами в союзнический СССР, в лагеря. Вина перечисленных лиц не была доказана. Хотя аресты производятся в присутствии сотрудников Корпуса безопасности, но это делается в большинстве своем следственными органами СССР, что создает неподходящее настроение среди местного населения. Не подаются решения о применении к арестованным меры пресечения. Во время контроля в тюрьмах в Селдльцах встретились с полнейшим беззаконьем. Людей держат там неделями без допросов.... Корпус безопасности не отличает своих арестованных от арестованных Службой безопасности СССР. Гигиенические условия в изоляторе ниже всякой критики⁵⁴.

После первых немногочисленных транспортов в августе и сентябре, с ноября 1944 г. начали систематически «расселять» тюрьмы и отправлять транспорты с солдатами АК в лагеря. Транспорты шли в Боровичи, Сталиногорск, Рязань и Осташков. На территории Польши с октября 1944 г. по 5 января 1945 г. органами НКВД и коммунистическими службами безопасности были арестованы 13 142 человека, включая 9 101 солдата АК⁵⁵.

Надо подчеркнуть, что изначально «польский» аппарат безопасности играл лишь вспомогательную роль для советских спецслужб, но к середине 1945 г. именно на них возлагалась основная тяжесть ликвидации польского национально-освободительного подполья. Руководящую роль играли несколько сотен советников, которые находились во всех повятовых управлениях общественной безопасности вплоть до 1947 г., а в оперативных департаментах

---

⁵³ *Wolsza T.* Więzienia stalinowskie w Polsce. System–codziennosc–represje. – Warszawa: Wydawnictwo RM, 2013; *Rosenbaum S., Tracz B., Węgrzyn D.* Tiurma – łagier Tost. Historia obozu NKWD w Toszku w 1945 roku. – Toszek: Gmina Toszek, 2017.

⁵⁴ Цит. по: *Romanowska E.* Karzące ramię sprawiedliwości ludowej. Prokuratury wojskowe w Polsce w latach 1944–1955. – Warszawa: LTW, 2012. – S. 373–374.

⁵⁵ NKWD i polskie podziemie 1944–1945. Z «teczek specjalnych» Józefa W. Stalina. – S. 88.

Министерства общественной безопасности – до середины 1950-х гг.⁵⁶ Советизация продолжалась и в Войске Польском. К концу 1944 г. из 40 тыс. офицеров ВП почти у 19 тыс. (включая 36 генералов) было советское гражданство⁵⁷.

Примером нарушения Советским Союзом международного права и принципа государственного суверенитета может послужить арест в марте 1945 г. в Прушкуве под Варшавой главы польского подпольного государства генерала Л. Окулицкого. 18–21 июня 1945 г. в Москве, при пассивной позиции западных союзников, был проведен «процесс 16-ти». Это был единственный политический и пропагандистский процесс, направленный против законных польских властей. В обвинительном акте констатировался факт «незаконности Армии Крайовой и Совета национального единства». Поляки обвинялись в «подрывной и террористической деятельности, направленной против офицеров и солдат Красной Армии, совершении диверсионных атак и нападений, ведении вражеской пропагандистской деятельности против СССР и РККА, а также сотрудничестве с Германией»⁵⁸.

Заключение

По приблизительным данным с января 1944 г. до конца 1940-х гг. на территории Второй Речи Посполитой репрессии охватили около 80–100 тысяч поляков, из которых несколько тысяч были осуждены (не считая польских граждан других национальностей). Поляки и польские граждане попадали в проверочно-фильтрационные лагеря, лагеря для военнопленных и интернированных, исправительные трудовые лагеря и трудовые батальоны НКВД-МВД⁵⁹. На данном этапе изучения проблемы сложно точно определить

---

⁵⁶ *Terlecki R.* Miecz i tarcza komunizmu. Historia aparatu bezpieczeństwa w Polsce 1944–1990. – Kraków: Książki Wydawnictwo Literackie, 2007. – S. 46–48.

⁵⁷ Подробнее см.: *Nalepa E.J.* Oddani partii Lenina i Stalina. Czerwonoarmiści w Wojsku Polskim 1943–1968. – Piotrków Trybunalski: Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego, 2014; *Cenckiewicz S.* Długie ramię Moskwy. Wywiad wojskowy Polski Ludowej 1943–1991 (wprowadzenie do syntezy). – Poznań: Zysk i S-ka Wydawnictwo, 2011.

⁵⁸ Из Варшавы. Москва, товарищу Берия...: документы НКВД СССР о польском подполье 1944–1945 гг. – С. 156–171, 179–191, 197–211, 215–216.

⁵⁹ *Rogut D.* Polacy i obywatele polscy w obozach NKWD-MWD ZSRR 1944–1956 // Represje sowieckie wobec narodów Europy Środkowo-Wschodniej 1944–1956 / redactory D. Rogut, A. Adamczyk. – Zielów: Atena, 2005. – S. 69–97; *Pozym D.* Поляки и польские граждане в советских лагерях на Урале (1945–1957): исторический очерк // Актуальные вопросы изучения и преподавания истории, социально-гуманитарных дисциплин и права / редакторы: В.А. Космач, А.М. Дулов. – Витебск: Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, 2018. – С. 159–162. – URL: <https://lib.vsu.by/jspui/bitstream/123456789/16562/1/159-162.pdf> (дата обращения: 15.02.2020); *Rogut D.* The Polish Civilians and the Soldiers of the Home Army in NKVD/MVD Camps After 1944 // Gulag–Gupvi. The Soviet Captiv-

количество транспортов, смертность и дальнейшую судьбу высланных. Вероятно, последний вывоз с территории Польши имел место в мае 1949 г., из советской тюрьмы при Северной группе войск в Легнице, и месяц спустя из Ченстоховы. Первый транспорт сначала попал в Брест, а второй – в Минск⁶⁰.

Советская сторона не могла допустить существования независимых вооруженных частей в тылу РККА, тем более, что их считали враждебными и опасными. Целью репрессий среди командующего состава АК и представителей делегатуры правительства являлось ослабление польского подполья, подчиненного Лондонскому правительству, и уничтожение политических структур, противившихся советским коллаборационистским структурам под эгидой ПКНО. Целью совместных действий была пацификация территории на местах, элиминация всех форм антикоммунистического сопротивления, политической независимости и запугивание общества. Аресты, интернирование, осуждение (по советскому законодательству), а также массовые депортации нарушали международное право. Для многих поляков начался очередной период оккупации, на этот раз – советской.

---

ity in Europe / edited by R. Kiss, I. Simon. – Budapest: Nemzeti Emlékezet Bizottsága, 2017. – P. 185–206.

⁶⁰ Подробнее см.: Rogut D. Deportacje Polaków i obywateli polskich do ZSRS w 1945 roku: droga na Wschód // Pod czerwoną gwiazdą. Aspekty sowieckiej obecności w Europie Środkowo–Wschodniej w 1945 roku / redactory S. Rosenbaum, D. Węgrzyn. – Katowice–Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej, 2017. – S. 90–109.

The gradual retreat of the German troops on the Eastern Front in 1944 and the approach of the Red Army to the pre-war eastern borders of the Second Polish Republic resulted in Operation Tempest conducted by the Home Army¹ (*Armia Krajowa*, hereinafter referred to as AK). Its main goal was the fight against the retreating Nazi troops and the destruction of their means of communication. The AK and civilian underground organizations were to take the field simultaneously and to ensure control of the Polish territories in front of the advancing Soviet troops. The exit from the underground and the active actions of the Polish military administrative authorities were considered by them as a demonstration of the fact that the eastern lands belonged to the Polish Republic. Thus, both political and military goals were achieved.

The Soviet troops crossed the pre-war border of the Second Polish Republic in January 1944 in Volhynia. In March 1944, the 27th Volhynia Infantry Division of the AK under the command of Lieutenant Colonel Wojciech Kiversky (Oliwa) together with units of the 1st Belorussian Front under the command of Marshal of the USSR K. Rokossovsky fought heavy battles with the Germans in the vicinity of Kovel and Volodymyr-Volynskiy. Along with the hostilities, negotiations were held regarding the possibility of continued cooperation between the AK and the Soviet armed forces. However, in mid-May 1944, the Poles were surrounded by the Germans. Most of the 27th AK Infantry Division managed to break through the German emplacements and move to the Lublin region, but some of its units were disarmed by the Soviets.

Units of the AK Vilnius-Novogrudok district carried out the military operation *Ostra Brama* to liberate Vilnius from the Germans. However, they did not manage to take control of the city on their own, and only a part of the detachments, took part in heavy street battles together with the Soviet troops entering the city. On July 13, Vilnius was taken.² Lieutenant Colonel Aleksander Krzyżanowski (Wilk), the commander of the united districts, started negotiations with the commander of the 3rd Belorussian Front General I. Chernyakhovsky on the transformation of AK detachments into the units fighting alongside Soviet troops. However, on July 14, Stalin issued an order to disarm Polish partisan detachments, according to which any

---

¹ The Home Army was an underground independent military organization, part of the Polish armed forces which operated in Poland during World War II and was subordinate to the Supreme Commander-in-chief and the Polish government-in-exile. Partisan detachments of the Home Army conducted many combat and subversive operations to destroy officers of the German occupation apparatus of the SS and the police. In 1944, the AK included more than 300,000 soldiers. On January 19, 1945, it was disbanded.

² *Polskie Siły Zbrojne w drugiej wojnie światowej*, 3 vols., vol. 3, *Armia Krajowa* (London: Studium Polski Podziemnej, 1952), 612.

manifestations of resistance from their part were to be suppressed by force.³ The deputy of the People's Commissar of Internal Affairs of the USSR General I. Serov, who had at his disposal 19 operational groups of the NKVD-NKGB⁴ as well as the NKVD internal troops, was responsible for the operation. On July 17, during a conversation with General Chernyakhovsky, Lieutenant Colonel Wilk was arrested. At the same time, 30 commanders of Polish detachments were arrested in the village of Boguszcze⁵ and about 8,000 soldiers of the detachments concentrated around Vilnius were disarmed.⁶ Approximately 4,000 partisans were detained in a temporary camp in Medniki Krulevsky (28 km south of Vilnius), about 2,500 of them were later released, and more than 400 were sent to the Berling Army.⁷ At the beginning of August 1944, AK soldiers of the Vilnius-Novogrudok district were moved to Kaluga by two transports. They never returned to Vilnius.⁸

---

³ S.Ya. Lavrenov et al., comps., *USSR and Poland: 1941–1945: on the history of the military alliance: documents and materials* [in Russian], Russian archive. The Great Patriotic War, vol. 14 (3–1) (Moscow: TERRA, 1994), 161–62.

⁴ A.F. Noskowa and A. Fitowa, eds., *NKWD i polskie podziemie 1944–1945. Z "teczek specjalnych" Józefa W. Stalina* (Kraków: Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych "Universitas", 1998), 37, 41.

⁵ Noskowa and Fitowa, *NKWD i polskie podziemie*, 43–44.

⁶ T.V. Volokitina, ed., *The Soviet Factor in Eastern Europe 1944–1953: Documents*, 2 vols., vol. 1, 1944–1948 [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 1999), 66.

⁷ On April 19, 1943 the Politburo of the VKP(b) took the decision to establish a Polish military formation which would operate side by side with the Red Army. It was the Polish 1st Tadeusz Kościuszko Infantry Division. Colonel Zygmunt Berling, an NKVD employee, took command of the division in May 1943. Political guidance of the division was conducted by the communist Union of Polish Patriots. Privates were recruited from the labor camps containing the soldiers who could not join the army of General Władysław Anders which had been evacuated to Iran in 1942. For those men, joining the Berling Army was the only chance to return to Poland. See S. Cenckiewicz, *Geneza Ludowego Wojska Polskiego 1943–45* (Warsaw: Akademia Sztuki Wojennej, Dreams Art, Walenciak Krzysztof, 2017).

⁸ After refusing to take the oath, the text of which was identical to the oath for Soviet soldiers, in mid-September 1944, almost 3,800 Poles were sent to Moscow Oblast (Krivandino group) to harvest timber, and from there, in December 1945, to Kirov (Kaluga Oblast). Most of them returned to Poland in early January 1946 but a small number of them remained in the USSR as dangerous element. See A. Dzieńkiewicz, A. Gurjanow, eds., *Indeks Represjonowanych*, vol. 14, *Wywiezieni do Kalugi. Alfabetyczny wykaz 4936 żołnierzy Armii Krajowej oraz poborowych Polaków z Wileńszczyzny i Nowogródzczyzny przymusowo wcielonych do 361 zapasowego pułku piechoty Armii Czerwonej od sierpnia 1944 do stycznia 1946* (Warszawa: Ośrodek KARTA, 2008).

Battle for Vilnius. A patrol of the Home Army and the Red Army during the Operation Ostra Brama, July 1944 r.

Source: R. Korab-Żebryk, *Operacja wileńska AK* (Warsaw: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1985), 417.

Repression of the NKVD and NKGB against the Polish population of Vilnius region became stronger. The Russians treated all the residents of the Vilnius region, including Poles, as citizens of their own state. They believed that those people were obliged to do military service in the Soviet army. Massive conscription to the Red Army began. The Poles considered it to be secret due to the fact that the conscription was not officially announced, and it caused fear of possible expulsion to the camps. Terror made the people who were hiding from mobilization unite into partisan detachments. The NKVD internal troops of the Lithuanian SSR, the NKVD troops to protect the rear of the 1st Baltic front, the 1st, 2nd and 3rd Belorussian fronts and the NKVD border guard were involved in the fight against the Polish underground. Active and replacement units of the Soviet army also took part in those operations.

Clear actions of the Soviet repressive apparatus were facilitated by an extensive intelligence network. Informants were recruited from the former AK soldiers and officers, many of whom gave comprehensive testimonies. For example, Lieutenant Colonel Luboslav Krzeszowski (Ludwik) began cooperation with Soviet state security agencies, actively exposing the AK structures, which resulted in ambushes and arrests of participants in the Polish resistance. NKVD-NKGB officers also used information from civilian agents. Some of them were forced to cooperate by blackmail, incriminating evidence against them, such as the information about their contacts with the Germans, or threats to arrest them for cooperation with the AK.

A certain amount of information was received from the Soviet partisans who investigated Polish structures operating in the Vilnius region during the war.

One of the ways to escape Soviet terror was to leave the Vilnius region within the framework of the so-called repatriation, that is, de facto forced relocation. Corresponding population exchange agreements were signed by the Polish Committee of National Liberation, a temporary executive body of Poland (from July 21 till December 31), a puppet of Soviet dictatorship, and the government of the Lithuanian SSR on September 22, 1944. The Polish population in Vilnius region was very reluctant to register for departure to Poland. Only at the beginning of 1945 the situation changed, and massive registration for departure began and by May the lists had totalled 334,007 people. However, the announced repatriation program did not lead to the expected results: by June 1, 1945, only 29,051 people had left the territory of the Vilnius region. In total, in 1945–46 (due to the extension of the repatriation period) approximately 171 to 197 thousand Poles left the Lithuanian SSR, and some number of them crossed the border illegally. In fact, depolonization of the Vilnius region took place.⁹

As it was mentioned above, shortly after the occupation of Vilnius by the Soviet troops, the arrests of AK soldiers and civilians began. They were detained in the streets, in market squares, and in their own homes at night. As eyewitnesses said, it resembled the times of Nazi occupation. According to the data available, between 26 July and 19 February, 26,222 persons were detained.¹⁰ Many AK soldiers were convicted by Soviet military courts under Article 58 of the RSFSR Criminal Code, among other things, for treason against the Soviet state, belonging to the criminal organization of the Home Army, and espionage. Several dozen death sentences and several hundred sentences ranging from 10 to 25 years in labour camps with five years of deprivation of civil rights were handed down. Convicts served sentences in the Gulag camps located in Kotlas, Vorkuta, Kolyma, and in Kazakhstan.¹¹ When there was no concrete evidence of participation in hostile activities against the Soviet Union, the persons accused of belonging to the Polish nationalist counterrevolutionary organization (this is how the Soviet documents described the soldiers of the Home Army) were sent to screening and filtration camps (PFL): no. 283 in Stalinogorsk (now Novomoskovsk), no. 240 in the Donbass, no. 0321 in Ishanka, near Saratov, no. 140 in Kalinin (now Tver).¹²

---

⁹ For more, see A. Srebrakowski, *Polacy w Litewskiej SRR 1944–1989* (Toruń: Adam Marszałek, 2000), 98–100.

¹⁰ D. Rogut, *Polacy z Wileńszczyzny w obozach sowieckich “saratowskiego szlaku” (1944–1949)* (Toruń: Adam Marszałek, 2003), 36.

¹¹ A. Zawadzka, *Duszpasterstwo polskie na Wileńszczyźnie w okresie sowieckim (1944–1990)* (Białystok: Instytut Pamięci Narodowej, 2017), 85–87.

¹² From February to April 1945, at least 7,400 people were deported to PFL. See Rogut, *Polacy z Wileńszczyzny*, 57.

A similar scenario was implemented in the territory of the Lvov district of the AK. Participants in Operation Tempest in Lvov were aware that AK soldiers were facing disarmament. The detachments were dispersed, but by mid-July they had been reunited so that AK soldiers could fight for Lvov together with the Soviet troops from July 23 to 27, 1944. They played a key role in protecting Soviet tanks which were cut off from supplies. Separate city platoons of the AK were able to independently seize the Citadel, the Polytechnic Institute, the area of the airfield in Sknilov, occupied the Main Post Office, Town Hall, gas plant, power station and city water supply, preventing excesses on the Ukrainian side. In total, about 3 thousand AK soldiers took part in the battles for Lvov, and about 7 thousand AK soldiers fought in the territory of the entire Lvov district, of which about 700 soldiers were killed.¹³ After the liberation of Lvov, a joyful atmosphere reigned in the city. According to the memoirs of the secretary of the Lvov city committee of the Communist Party of Ukraine Chupis,

On the first day after the liberation of Lvov from the German fascist invaders by the Red Army, a good mood was felt among the Polish part of the population, which was facilitated by the work of Polish nationalists. National flags were hung almost on all buildings, and Poles walked around carrying arms and wearing armbands.¹⁴

On July 26, at the headquarters of the 1st Ukrainian Front, Lieutenant Colonel Władysław Filipkowski (Janka) declared that the AK detachments were ready for further joint struggle against the Germans and proposed to form the 5th Lvov AK Infantry Division, politically subordinate to the Polish government-in-exile in London, and operationally under the command of the Red Army. The Soviet side thanked him for his cooperation and for the assistance in the battles for Lvov and other areas. An exchange of liaison officers between the command was carried out. However, tension intensified, and during negotiations with the alleged General Ivanov (General I. Serov), the Soviet side demanded that the AK lay down their weapons and disband all the troops. Lieutenant Colonel Filipkowski agreed to give the corresponding order, and on the same day, July 28, 1944, AK detachments in Lvov were disbanded and laid down arms. However, Filipkowski continued to seek a compromise solution, and on July 31 he flew to Zhitomir with a group of officers in order to meet with General Michał Rola-Żymierski (commander of the Polish People's Army) and discuss further cooperation and possible formation of a division.¹⁵ After the negotiations, the atmosphere during which was positive, on the

---

¹³ T. Pelczyński et al., *Armia Krajowa w dokumentach, 1939–1945*, 6 vols., vol. 3, *Kwiecień 1943 – lipiec 1944* (London: Studium Polski Podziemnej, 1976), 586–87, 592.

¹⁴ P. Mitzner, "Oczyścić Lwów," *Karta*, no. 17 (1995): 135.

¹⁵ Pelczyński et al., *Armia Krajowa w dokumentach*, vol. 3, 591.

night of August 3, the AK representatives were arrested, taken to the Kiev NKVD prison, and then transferred to the SMERSH of the 1st Ukrainian Front. Subsequently, they went through several prisons, including Trzebuca prison, after which they ended up in the SMERSH counterintelligence camp in Kharkov, and then were sent to the prisoner and internment camp no. 178-454 in Ryazan.¹⁶

AK officers and soldiers were court-martialed and sentenced to imprisonment in labour camps for counter-revolutionary activities. One of the condemned – Maria Wierzbicka – reported:

The situation was becoming more and more absurd. We were arrested solely for anti-German activities. Until the end of the investigation, until the trial itself, none of the group was proved to be anti-Soviet, and we were not accused of this in the indictment. We were members of a Polish underground organization formed to fight the Nazi invaders. In this regard, we did not expect any repression from the USSR, which . . . was our ally in the fight against Germany. The only thing we were accused of was belonging to an organization led by the Polish emigration government in London, . . . the investigating authorities hinted that organizations run by London intended to tear off Lvov and Polish eastern territories from the USSR.¹⁷

The so-called repatriation agreement signed by the Polish Committee of National Liberation and the government of the Ukrainian SSR on September 9, 1944 was also supposed to help in clearing the city of the Polish element. However, it did not bring the expected results: the Poles would not leave the city. Grzegorz Hryciuk notes:

Described by the Poles as patriotic, and by the Soviet side as nationalistic, the position of the Polish population of unshakeable fortitude and belief in the belonging of Lvov to Poland, among other things, was the result of a sense of strength among the Polish population of the city. . . . The Polish language dominated in the streets. Attachment to their small homeland, but above all the unshakeable belief that Lvov would remain within the borders of the Polish state, largely predetermined the failure of the evacuation campaign. . . . By December 1944, 4,791 people had registered in Lvov and its suburbs and 2,131 had left.¹⁸

---

¹⁶ T. Balbus, “Sowieci i Żymierski a lwowska AK w 1944,” *Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej*, no. 12 (2004): 67–79; D. Rogut, “Ucieczki żołnierzy Armii Krajowej z obozu NKWD-MWD nr 178-454 w Riazaniu (1945–1946),” *Dzieje Najnowsze*, no. 3 (2008): 79–93.

¹⁷ M. Wierzbicka, *Lwów–Ural–Komi. Więzienie, łagry, zesłanie* (Wrocław: Zrzeszenie “Wolność i Niezawisłość”, 1993), 15.

¹⁸ G. Hryciuk, “‘Sprawa Lwowa właściwie wciąż otwarta’. Między nadzieją a zwątpieniem – Polacy we Lwowie w 1945 r.,” *Dzieje Najnowsze*, no. 4 (2005): 116.

However, the Soviet authorities did not intend to tolerate the Polish majority in the city. As Slavomir Kalbarczyk justifiably noted,

the Soviet authorities solved the problem with the Poles who did not want to leave Lvov in their usual manner, by using terror. Polish society was to receive a clear signal that resistance to resettlement was unacceptable; on the contrary, those sabotaging the agreement on evacuation of the population should reckon repression of this nature.¹⁹

The reason for the mass arrests was the directive of L. Beria no. 524 of December 20 on the arrest of “participants in the AK underground and Polish reactionary elements.”²⁰ A Soviet source of January 19 reported that “as of January 15, 1945, a total of 5,809 people were arrested, of which 3,036 people were arrested by the NKGB, and 2,773 were arrested by the NKVD.”²¹ Repressive measures brought the expected results because

to a large extent, they contributed to a change in the mood and the course of the resettlement of Poles, who began to massively demand faster departure to Poland. In connection with the arrests of Polish anti-Soviet elements, fearing further repression, numerous Poles seek to expedite their departure.²²

As of February 20, 1945, almost 17 thousand people were registered in the repatriation lists in Lvov, and at the end of February, almost 22 thousand people. Despite the tension, Poles were not in a hurry to leave the city. Only the announcement of the decisions of the Yalta Conference changed the attitude of Poles, especially in Lvov, and by the end of March, almost 35 thousand people had registered to leave the city.²³

The counterrevolutionary element, arrested in January 1945, on February 4, was sent to the screening and filtration camp no. 0310 in Krasnodon, Voroshilovgrad

---

¹⁹ S. Kalbarczyk, *Polscy pracownicy nauki – ofiary zbrodni sowieckich w latach II wojny światowej. Zamordowani, więzieni, deportowani* (Warsaw: Neriton, 2001), 216.

²⁰ Hryciuk, “Sprawa Lwowa właściwie wciąż otwarta”, 117.

²¹ “Special Information from S. Savchenko to V. Ryasnu about the Arrests of Polish Underground Members and the response of the population (Lvov, January 19, 1945),” in *Polska i Ukraina w latach trzydziestych–czterdziestych XX wieku. Nieznane dokumenty z archiwów służb specjalnych*, vol. 4, *Operacja ‘Sejm’ 1944–1946*, ed. J. Bednarek et al. (Warszawa–Kijów: Archiwa Ministerstwa Spraw Wewnętrznych i Administracji Rzeczypospolitej Polskiej; Instytut Pamięci Narodowej – Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu; Instytut Badań Politycznych i Narodowościowych Narodowej Akademii Nauk Ukrainy; Państwowe Archiwum Służby Bezpieczeństwa Ukrainy, 2007), 431.

²² Cited in S. Kalbarczyk, *Polscy pracownicy nauki*, 217.

²³ Hryciuk, “Sprawa Lwowa właściwie wciąż otwarta,” 125.

Oblast (Donbass). Among them there were university professors, lawyers, teachers, officials, as well as AK soldiers and medical staff. The fate of Polish Lvov was decided...

The AK Lublin district under the command of Colonel Kazimierz Tumidajski (Marcin) did not avoid disarmament. In the territory of the district, it was planned to form the 3rd AK Infantry Division with the 7th, 8th, 9th Infantry Regiments, the 9th AK Infantry Division with the 34th and 35th Infantry Regiments, and the 28th AK Infantry Division with the 15th Infantry Regiment and other units. The Lublin district was one of the largest (about 12,000 people) and the best armed conspiracy structures. In the territory of the Lublin region there were also Soviet sabotage and reconnaissance units, communist units of the People's Army, and in two eastern powiats (the second-level units of local government and administration in Poland – *Ed.*) there were units of the Ukrainian Insurgent Army.

During the Tempest period, AK conducted about 150 armed actions which entailed significant losses in the enemy camp. Parts of the 27th Volhynia Infantry Division of the AK, also located in the Lublin region, liberated Lubartow, Kock, and Firlej. Other detachments independently took control of a number of settlements, including Belzhets, Urzendow, and Vonovolnitsa, and together with the units of the 1st Belorussian Front, Chełm (Kholm), Tomaszow Lubelski, Lukow, Pulawy, Radzin Podlask, Siedlce, Miedzyrzecz, Zamosc and Lublin.

In Chełm, the first Polish city to be taken over by the Red Army, on July 22, 1944, the establishment of the Polish Committee of National Liberation, which was de facto established in Moscow, was announced. According to Stalin's plans, the committee was to become an interim executive branch. However, on July 25, 1944, after the liberation of Lublin, the Government Delegation for Poland (a secret body of supreme administrative authority in occupied Poland, formed in 1940 – *Ed.*) led by Władysław Cholewa (Paśnik) left the underground. The patrols of the State Security Corps began to keep order in the streets of the city. On the whole, the national liberation underground in the Lublin region was so strong that dual power existed for some time, exposing the weaknesses of the structures of the collaborative Polish Committee of National Liberation which was formed at that time.²⁴ But with the gradual strengthening of the position of the temporary executive branch, the period of the communist regime began.²⁵

---

²⁴ See W. Materski, "Polski Komitet Wyzwolenia Narodowego – narzucona władza," in *W drodze do władzy. Struktury komunistyczne realizujące politykę Rosji Sowieckiej i ZSRS wobec Polski (1917–1945)*, ed. E. Kowalczyk, K. Rokicki (Warsaw: Instytut Pamięci Narodowej, 2019), 519–30.

²⁵ M. Wierzbicki, "Polska lubelska (1944 r.)," in *Dzieje Lubelszczyzny 1944–1956. Aspekty polityczne*, ed. T. Osiński, M. Mazur (Lublin: Instytut Pamięci Narodowej, 2016), 73–86.

Soviet repression obtained legal force at the moment when the Polish Committee of National Liberation (PKWN), which was formed in compliance with Stalin's order, acting as a body of administrative authority, signed an agreement on relations with the Soviet government in Moscow on July 26, 1944. It followed from the agreement that the PKWN agreed to subordinate the Polish civilian population to the Soviet jurisdiction in the war zone, but the depth of the front line was not defined.²⁶ The NKVD structures as well as the command of the fronts were responsible for security and public order in this territory.

Following Soviet directives, the Communists began to organize Polish security agencies first in Chełm and then in Lublin. Full control over their organization and actions was exercised by N.A. Bulganin, a representative of the Council of People's Commissars of the USSR to the PKWN. General I. Serov, in his turn, was his right hand. The Department of Public Security was formed and headed by Stanisław Radkiewicz. On January 1, 1945, it was transformed into the Ministry of Public Security. The security apparatus became one of the most important structures of the new government, which pursued one main goal, sovietization of Poland. Its employees trained by the NKVD soon became commandants of the field units, that is of the voivodeship and powiat Security administrations.²⁷

Despite the negotiations conducted by Marcin, the Polish troops were disarmed, including the 27th Volhynia AK Infantry Division in Skrobow near Lubartów²⁸ and the 3rd AK Infantry Division in Zamosc, disarmed on July 25. The commandant of the Lublin AK district Colonel Tumidajski issued an order to dissolve the troops on July 29. However, like many senior officers of the district, he was arrested. At the same time, the Communists began mobilization into the newly formed units of the 1st Polish Army of General Zygmunt Berling. It was connected with the order issued by Berling on July 27, 1944 on the disarmament of the units of the People's Army, the AK and Peasant Battalions.²⁹ The Directive no. 220169 on the liquidation of

---

²⁶ The depth of the front line of 60–100 km was defined only by the decree of the USSR State Defense Committee No. 7558 ss dated February 20, 1945. See Volokitina, *The Soviet Factor in Eastern Europe 1944–1953*, vol. 1, 154.

²⁷ Andrzej Pachkowski, a researcher into the history of the security apparatus, describes its development the following way: 1944–45 was the period of formation when it played a supporting role for the Soviet apparatus; 1945–48 was the period of struggle with a certain political opponent (the period of terror and pacification), and 1948–54 was the period of general terror. See A. Paczkowski, "Ministerstwo Bezpieczeństwa Publicznego w latach 1944–1954 – struktury i mechanizmy działania," in *System stalinowskich represji w Polsce. Represje w Marynarce Wojennej*, ed. I. Hałagida (Gdańsk: Instytut Pamięci Narodowej; Komisja Ścigania Zbrodni Przeciwko Narodowi Polskiemu, 2003), 15.

²⁸ J. Ślaski, *Skrobow, dzieje obozu NKWD dla żołnierzy AK 1944–1945* (Warszawa: Rytm, 2003).

²⁹ Cz. Grzelak, H. Stańczyk, and S. Zwoliński, *Bez możliwości wyboru. Wojsko Polskie na froncie wschodnim 1943–1945* (Warsaw: Bellona, 1993), 52. Initially, ordinary AK soldiers were

structures of the Home Army in Poland was issued by the Supreme High Command of the USSR (Headquarters) on August 1, 1944. According to it, officers were subject to internment, and ensigns and ordinary soldiers were sent to the reserve battalions of the 1st Army of the Polish Army.³⁰ At the same time N. Bulganin implemented specific directives of Stalin regarding the support of the PKWN and simultaneous elimination of the political centres representing the legitimate Polish government in London which were leaving the underground. As follows from the instructions of the Council of People's Commissars to N. Bulganin dated August 2, 1944, any mobilization carried out by anyone except the PKWN

is illegal, and the persons conducting such a mobilization are subject to immediate arrest as German agents who bring confusion among the Polish population. . . . No authorities, including the bodies of the Polish emigration government in the territory of Poland should be recognized; persons pretending to be representatives of these bodies should be regarded as impostors and arrested as adventurers.³¹

Soviet actions, including a wave of repression, resulted in the fact that on August 19 General Komorowski (Bor), the commander of the Home Army, issued an order on the inadmissibility of mobilization announced by the PKWN in the eastern districts. He emphasized that the only authority designated to declare mobilization was the Polish government-in-exile. The districts throughout the country simultaneously informed the headquarters in London about the difficult situation in the field and about the Soviet decisions according to which any bodies, except the PKWN and the Red Army, declaring mobilization were considered illegal and the persons who carried it out were German agents [sic!].³² It must be stressed that the subordination of the AK soldiers to the authority of the PKWN, their entry into the ranks of the Polish Army and the taking of the military oath meant recognition of the communist government and simultaneous violation of the oath to the Polish government in London. For most of them, this was unacceptable.

---

mobilized into the ranks of Z. Berling's army, but after the suppression of the Warsaw Uprising and desertion of the soldiers of the 31st Infantry Regiment in Białka near Krasnystav on October 12, 1944, this practice was stopped and they were placed in prisons and transit camps.

³⁰ F. Gryciuk and P. Matusek, *Represje NKWD wobec żołnierzy podziemnego Państwa Polskiego w latach 1944–1945*, 2 vols., vol. 1 (Siedlce: Wydawnictwa Uczelniane Wyższa Szkoła Rolniczo-Pedagogiczna, 1995), 108–9.

³¹ T.V. Volokitina et al., comps., *From Warsaw. To Moscow, Comrade Beria...: Documents of the NKVD of the USSR on the Polish underground 1944–1945* [in Russian], ed. A.F. Noskova (Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN; Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 2001), 341.

³² "Message dated July 18, 1944 from the Rzeszow Subdistrict to the commandant of the Krakow District," in *Armia Krajowa w dokumentach, 1939–1945*, vol. 4, *Lipiec – październik 1944*, ed. T. Pelczyński (London: Studium Polski Podziemnej, 1977), 151.

Taking pacifying measures on the ground and making arrests of the commanding staff, the Communists simultaneously abused both patriotic propaganda and national symbols. They emphasized the necessity of reconstructing the Polish state, opened schools, and brought in their administration, thus masking their main political goal, the sovietization of the state. Being tired of the years of German occupation, part of the society probably really succumbed to those illusions. The Communists, however, were aware of their precarious political position, taking into account loyalty of most Poles to the legitimate government-in-exile in London. They solved the tasks set by their Soviet masters. In order to legitimize the repression of security agencies, the PKWN issued legal acts permitting judicial elimination of political opponents. The new Criminal Code of the Polish Army introduced on September 23, 1944 was the first of those acts. Not only did it provide for the application of capital punishment in many cases, but it also extended it to the actions of civilians, thereby excluding those accused of crimes against the state from the jurisdiction of general courts.

The beginning of mass repression could be associated with the so-called October turn in the political and administrative structures of Lublin Poland. From September 28 till October 3, 1944, the delegation from the Krajowa Rada Narodowa (State National Council) and the PKWN stayed in Moscow. The issues considered there were presented on October 4 at a meeting of the PKWN by Radkiewicz, and on October 9, at a meeting of the Politburo of the Central Committee of the collaborationist Polish Workers' Party by Władysław Gomułka.³³ The Home Army was presented as the main enemy of the new order, which must be ruthlessly fought. Following this, the "AK witch hunt" began, the AK members were accused and convicted on the basis of repressive regulations. The main task of "organizing the fight against the underground of the Home Army and other illegal units conducting subversive activities against the PKWN" was carried out in a systematic manner.³⁴ Regular waves of repression stimulated the desertion from the army. For example, on the night of October 12, 1944, 1,400 soldiers deserted from the 31st regiment of the 7th Infantry Division near Krasnystaw.³⁵

---

³³ P. Gontarczyk, "PPR jako ekspozytura Kremla," in *W drodze do władzy. Struktury komunistyczne realizujące politykę Rosji Sowieckiej i ZSRS wobec Polski (1917–1945)*, 491–518.

³⁴ N. Pietrow, *Stalinowski kat Polski. Iwan Sierow* (Warsaw: Demart, 2013), 49.

³⁵ *Teczka Specjalna J.W. Stalina. Raporty NKWD z Polski 1944–1946* (Warsaw: Rytm, 1998), 67.

Lucjan Pietruszko (“Sałatek”), a soldier of the Home Army from Vilnius,
A prisoner – without a sentence – of the camps in Saratov,
Kutaisi, Astrakhan and Borovichi (1945–1948).

Photo: Kutaisi (February 1947).

Source: from the personal archives of Dariusz Rogut

The role of the “allied” military units can be determined on the basis of the instruction for the military commandants dated October 10, 1944. In the same way as in other “liberated” territories, all the most important settlements of Lublin Poland were subordinated to the Soviet military administration. According to the instruction, along with purely military affairs, the commandants had to perform political duties. They had to recognize local authority as represented by the PKWN, and if there was none, “temporarily appoint an elder from the supporters of the PKWN.” They also had the right to suppress social unrest which threatened normal functioning of the authorities designated by the PKWN.³⁶

The report on the activities of communist intelligence and counterintelligence dated March 12, 1945 demonstrates the leading role of the NKVD in the liquidation of the national liberation underground which began on August 1, 1944. The Soviet security apparatus had the task of identifying and arresting members of the AK, Peasant Battalions, National Armed Forces, and Volksdeutsche (ethnic Germans living outside Germany – *Ed.*). Thanks to Soviet informants in the upper echelons of the underground structures, the reports from collaborators in the Polish Workers Party

---

³⁶ F. Gryciuk and P. Matusek, *Represje NKWD wobec żołnierzy podziemnego Państwa Polskiego w latach 1944–1945*, vol. 1, 302–8.

and the People's Army as well as the use of torture during interrogation of suspects, the new invaders achieved operational success.

On October 25, 1944, General I. Serov, responsible for the liquidation of the Polish underground in the Lublin region and for the organization of operational investigative groups, reported:

Currently, all NKVD units, located in powiats, have established contact with our powiat operative groups and, based on their intelligence and investigative materials, they have prepared a plan for a military operation against AK gangs, and in the event of armed resistance, their elimination.³⁷

The captured AK-soldiers were subjected to active investigation, during which they were beaten and tortured. Most of them could not endure such investigative methods and gave the addresses of secret meeting sites and safe houses. Between October 16 and 21, the SMERSH military counterintelligence and the NKVD intensified their operations. Many AK soldiers were ambushed in the exposed meeting places.³⁸ Those who were arrested in Lublin were sent to the NKVD building at Chopin Street, 18, where they were not only interrogated in Russian but also physically and mentally abused. Lieutenant Colonel Edward Jasiński (Nurt) was so badly beaten that

his head and face were bandaged, only his eyes were visible, he moved with great difficulty. The prisoners claimed that he did not want to sign trumped-up charges and therefore he was treated so cruelly.³⁹

During several months, the NKVD and SMERSH counterintelligence agencies of the Red Army arrested 30 officers from the district command, including the commandant, all chiefs of staff (six were executed by shooting, six were sent to camps), five inspectors (four were executed by shooting, one was sent to camp), 8 district and subdistrict commandants. Many commanders were killed, for example, the commanders of the 8th Infantry Regiment and the 9th Infantry Regiment. Most of the commanders, chiefs of staff and senior officers of the 3rd, 9th and 27th Volhynia Infantry Divisions of the AK were arrested.⁴⁰

---

³⁷ *Teczka Specjalna J.W. Stalina*, 71.

³⁸ Noskova and Fitowa, *NKWD i polskie podziemie*, 52–54.

³⁹ Z. Leszczyńska, "Procesy sądowe w latach 1944–1956 wobec członków organizacji niepodległościowych na Lubelszczyźnie," in *Przestępstwa sędziów i prokuratorów w Polsce lat 1944–1956*, ed. W. Kulesza, A. Rzepliński (Warsaw: Instytut Pamięci Narodowej, 2000), 141.

⁴⁰ I. Caban, "Okręg Lublin Armii Krajowej," in *Armia Krajowa. Rozwój organizacyjny*, ed. K. Komorowski (Warszawa: Bellona, 1996), 75–97.

The main role in the fight against the AK detachments was played by the NKVD units. The most intense actions were carried out by the 64th Combined Infantry Division of the NKVD troops. It totalled almost 10 thousand soldiers and was headed by Major General B. Serebryakov. In total, by November 11, the Soviet security agencies had arrested 4,200 AK members and their associates (according to the documents – *Author*). In turn, by the end of 1944, as a result of the actions of the division, 16,820 people had been detained, including 2,604 AK soldiers, 691 deserters from the Polish Army and 1,083 people who avoided military service.⁴¹

It is also worth noting that the NKVD commissioners were operating simultaneously in the territory of Poland: in the zone of the 1st Ukrainian Front, P. Meshik; in the zone of the 2nd Belorussian Front, L. Tsanova. Being in charge of separate task forces, they also actively arrested the enemy element.⁴²

The detainees were held in the former buildings of the German services SiPo (Security Police) and Kripo (Criminal Police) in Chopin, Jasna, Lipowa, and Zielona streets. Cruel interrogations and executions without sentences became a symbol of people's power, and the Lublin Castle (former Gestapo dungeon) was turned into a transit prison to the east. By mid-1945, it was one of the largest security prisons in Poland. Most of the officers of the Lublin AK district were detained there. They were interrogated, brutally tortured, and often shot. Among them was, for instance, seriously sick Lieutenant Colonel Edward Jasiński (he was tortured during the investigation and killed on March 15, 1945; he was brought to execution on a stretcher) and over 100 others AK-soldiers.⁴³

It is difficult to determine the exact number of Poles arrested and deported from the Lublin region. Based on the data for the POW camps no. 178–454 and no. 270 and screening and filtration camps no. 0302 in Kizel and no. 280 in Stalinogorsk, it can be considered to be approximately 6,000 people.⁴⁴

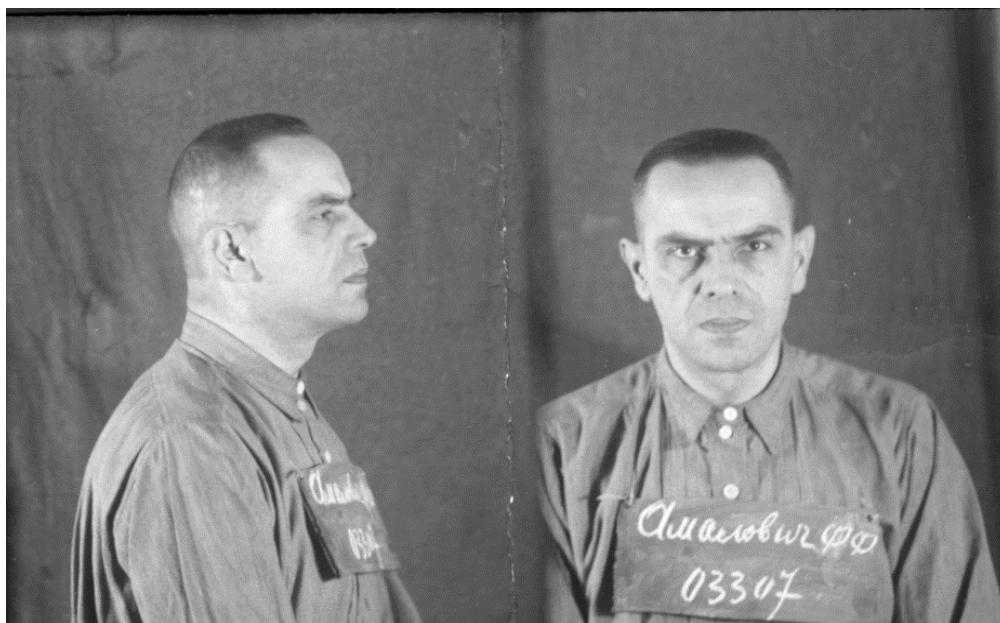
---

⁴¹ The period of intense struggle lasted until August 1945. Nine hundred twenty seven Home Army soldiers were killed in 54 battles, 43 were wounded, and 1,083 were taken prisoner at that time. See A. Chmielarz, “Rola służb sowieckich w organizacji zwalczania polskiego podziemia niepodległościowego,” in *Pion walki z podziemiem niepodległościowym RBP/MBP 1944–1954*, ed. T. Ruzikowski (Warsaw: Wydawnictwo T. Ruzikowski, 2016), 77–109.

⁴² N. Pietrow, “Działalność NKWD w Polsce w latach 1944–1945,” in *W drodze do władzy. Struktury komunistyczne realizujące politykę Rosji Sowieckiej i ZSRS wobec Polski (1917–1945)*, 541.

⁴³ A. Kielasiński, “Raport o zabijaniu,” *Stalinizm w Polsce* (Lublin, 1997), accessed February 21, 2020, <http://www.stalinizmw Polsce.com/Lublin.html>

⁴⁴ See, e.g. D. Rogut, “Polacy w obozie kontrolno-filtracyjnym nr 283 NKWD-MWD w Stalinogorsku (1945–1947),” in *Od Rosji po Bliski Wschód: Studia historyczne z XX w.*, ed. D. Rogut. (Zelów: Atena, 2010), 175–208.

Franciszek Michał Amałowicz (“Tatar”), major, doctor, officer of the Home Army, prisoner of the camps (1945–1954) in Stalinogorsk and Kirov, and Special Camp 1st (Mineral – Minlag). Photo: Stalingrad (1950).
Source: from the personal archives of Dariusz Rogut

Before the beginning of the mass arrests of AK soldiers and Polish citizens, the Government of the Republic of Poland in exile took decisive diplomatic action in relation to the Western powers. On July 18, 1944, the Prime Minister of the Polish government Stanisław Mikołajczyk raised the issue of arrests in a conversation with the Prime Minister of Great Britain and Minister of Defense Winston Churchill.⁴⁵ On July 24, an extensive memorandum on the Vilnius AK was handed to the British Secretary of the Joint Chiefs of Staff Hastings Ismay by General Marian Kukiel. Negotiations continued on July 25, when Prime Minister Mikołajczyk and Foreign Minister Tadeusz Romer met with British Foreign Minister Anthony Eden.

A document with identical content was handed over to the American diplomat Rudolf Schoenfeld, and also sent to the US Department of State. On July 31, 1944, Ambassador Edward Raczyński gave Sir Alexander Cadogan a note containing a letter from the government delegate and the commander-in-chief of the AK demanding that the AK be recognized as “part of the armies of the anti-Hitler coalition,” which could prevent further repression. The next step, designed to put pressure on the allies, was Raczyński’s note to Minister Eden on August 25, 1944. The ambassador cited numerous examples of mass arrests and killings committed by the Soviets against AK soldiers in the territory of the so-called Lublin Poland. On October 7 and 19, 1944, Raczyński also handed protest notes to Minister Eden

---

⁴⁵ W. Michowicz, ed. *Historia dyplomacji polskiej*, 6 vols., vol. 5, 1939–1945 (Warsaw: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1999), 522.

regarding the treatment of the AK by Soviet authorities in the territory of the Polish Republic. Among other things, he drew attention to the fact that the detained Poles were accused of fascism and “cooperation with the Germans.”⁴⁶

Unfortunately, diplomatic activities, protests and appeals by the government and Polish society did not yield any results. The Allies did not take any action in defence of the Polish underground and the territorial integrity of their most loyal ally.

The Bialystok AK district, headed by Colonel Władysław Liniarski (Mścisław), did not avoid repression either. After negotiations with the Soviets, on July 27, 1944, Major Władysław Kaufman (Bogusław) and the delegate of the Polish Republic to the Bialystok district Józef Przybyszewski were arrested. In addition to the 108th Border Regiment of the 64th NKVD Division, stationed there, two regiments of the NKVD troops (4,500 soldiers in total), 200 SMERSH and BSSR NKGB employees as well as an infantry division were sent there. Major General M. Krivenko assumed direct command of the NKVD units. All the restraining measures in the Bialystok region were guided by the head of the Main Directorate of Counterintelligence SMERSH V. Abakumov and the People’s Commissar of the NKGB BSSR L. Tsanova. The structures subordinate to them were ordered

To expose and arrest the leadership and members of the Home Army, agents of the Polish emigration government, leadership and members of other Polish underground organizations engaged in sabotage against the Committee of National Liberation and the Red Army units.⁴⁷

A wave of repression quickly swept through the Bialystok region. Within several days (November 1–8, 1944), the SMERSH and NKVD bodies arrested 1,200 AK soldiers and members of other organizations, and about 1,080 soldiers were disarmed. When the arrests were made, the Soviet authorities had already developed plan for the expulsion of the ‘dangerous element’ from the Bialystok region. Proof of this is the fact that in the morning of November 8, 1944, the first transport of 1,030 people was sent to camp no. 41 in Ostashkov. A total of 2,905 people, including 383 women and 11 children, were delivered to the camp by three transports from the Bialystok prison. The next transports, on December 27 (790 people) and on January 30, 1945 (1,242 people), were sent to the screening and filtration camp no. 283 in Stalinogorsk.⁴⁸ A few months later, nearly 600 Poles were killed by the Soviets in the

---

⁴⁶ For Polish-British relations, see, e.g., M. Kornat, “Porzucenie sojusznika i odruch współczucia. O brytyjskiej percepcji spraw polskich w roku 1944,” in *Polska 1944. Perspektywa sojuszników i wrogów*, eds. M. Grądzka-Rejak, D. Golik (Kraków: Wydawnictwo WAM, 2016), 93–144.

⁴⁷ Noskova and Fitowa, *NKWD i polskie podziemie*, 63–66.

⁴⁸ N.E. Eliseeva et al., “Index of special trains with Polish internees sent to the USSR inland” [in Russian], in *Repression against Poles and Polish Citizens* (Moscow: Zven'ya, 199), 220–21.

vicinity of Augustów and Suwałki during the raid carried out from July 10 till July 25, 1945 by the Red Army, NKVD, and some detachments of the People's Polish Army and the Security Directorate.⁴⁹

The reprisal against the Home Army swept through the entire country. It touched the soldiers of the 8th AK Infantry Division, which was revived in the vicinity of Minsk-Mazowiecki, and most of the troops of the AK Warsaw territory, who were able to liberate Węgrów, Radzymin and Minsk-Mazowiecki on their own. Almost all the units rushing to help the Warsaw Uprising were disarmed. The same fate befell the 30th Infantry Division of the AK of the Polesky district in Demba Velka near Otwock.⁵⁰ The arrests of the members of Polish civil and military underground in the vicinity of Siedlec, Wolomin and Radzymin occurred shortly after the front line went through the region. They were imprisoned in a special camp (transit camp for prisoners of war) no. 10 of the NKVD in Rembertów. After interrogations, the prisoners were sent to Sokołów Podlaski and on March 26, 1945, they were sent to prison camp no. 231 in the Urals (Sverdlovsk Oblast).⁵¹

Arrests were also made in the Rzeszów AK subdistrict (code name of the operation "Ognivo" [flint stone]), which was a part of the Krakow AK district. The operation was headed by Colonel Kazimierz Putek (Zworny). In the middle of September 1944, the formation of the communist security structures began in the Rzeszow region. In addition to the Voivodeship Department of Public Security in Rzeszow, district administrations were formed at the local level. In Kolbuszowa district alone, 305 people were sent to camps, including 223 AK and KB soldiers. Similar mass arrests were made by the Soviet Communist forces in the Brzozów powiat (more than 100 soldiers were arrested).⁵² The Lubomirski Castle in Rzeszow was the largest prison in Rzeszow. On average, from 200 to 300 people, mostly AK soldiers were detained there. The arrestees were transferred to the Soviets. From November 15 to November 29, 1944, 140 Poles were transferred and most of them were sent to the NKVD camp no. 270 in Borovichi.

The wave of arrests, which began in mid-July 1944, gradually increased and covered the entire territory of Poland. At first, only the command staff of the Home

---

⁴⁹ For more details, see J.J. Milewski and A. Pyżewska, eds., *Oblawa Augustowska – lipiec 1945 r. Wybór źródeł* (Białystok: Instytut Pamięci Narodowej, 2010); A. Maciejowska, *Przerwane życiorysy. Oblawa Augustowska – lipiec 1945 r.* (Białystok: Instytut Pamięci Narodowej, 2010).

⁵⁰ For more details, see Z. Grat-Wieteska, *30 Polska Dywizja Piechoty Armii Krajowej* (Pruszków: Oficyna Wydawnicza "Ajaks", 1993).

⁵¹ S. Kalbarczyk, "Sowieckie represje wobec polskiego podziemia niepodległościowego w Warszawie i okolicach na przełomie 1944 i 1945 roku," in *Pamięć i Sprawiedliwość*, no. 2, (2002): 139–55.

⁵² P. Fornal, *Konspiracja akowska i poakowska w powiecie brzozowskim (1939–1949). Geneza, struktura, działalność i likwidacja* (Rzeszów: Instytut Pamięci Narodowej, 2010), 148–205.

Army were arrested, isolated, and then sent deep into the Soviet Union (Kharkov, Ryazan). However, repression also affected ordinary members of the underground. Numerous cases of desertion of the AK soldiers from the Berling Army units were connected, inter alia, by the operational activities of Military Information, a repressive body functioning in the army. Among other things, this body was responsible, for “the struggle against the enemies of the PKWN and anti-Soviet activities” in the Polish army. As a rule, after an extremely severe investigation conducted in close cooperation with SMERSH, the arrested AK soldiers were placed in prisons and camps of the Security Administration and the NKVD in Skrobów near Lubartów, Sokołów Podlaski, Lublin, Rembertów, Majdanek and Kzheslin near Siedlce.⁵³ Mass repressions and sovietization of Poland as well as widespread violation of civil rights were noticed even by the members of the judicial apparatus of the Polish Army. After inspecting several detention centres of the Internal Security Corps in November 1944, one of the prosecutors of the 2nd Army of the Polish Army reported:

Most of the arrestees are not charged with anything concrete, there are not enough materials to initiate an investigation. Despite that, people are held in custody. Part of the arrestees, suspected of belonging to the AK is sent by the investigating authorities to the allied USSR, to the camps (in compliance with the document issued by the head of the Department of Public Security Radkiewicz). The guilt of these individuals has not been proven. Although the arrests are made in the presence of Security Corps officers, most often this is done by the investigating authorities of the USSR, which creates the wrong mood among the local population. No decisions on the application of measures of restriction to the arrested are made. During the inspection in prisons in Siedlce met with complete lawlessness. People are kept there for weeks without interrogation. . . . The Security Corps does not make distinctions between those who were arrested by it and those who were arrested by the USSR Security Service. Hygienic conditions in the detention centre are beyond criticism.⁵⁴

After the first few transports in August and September, in November 1944 systematic emptying of prisons began and transports with AK soldiers were sent to the camps. Transports went to Borovichi, Stalinogorsk, Ryazan and Ostashkov. From October 1944 to January 5, 1945, 13,142 people were arrested in Poland by the NKVD and communist security services, including 9,101 AK soldiers.⁵⁵

---

⁵³ T. Wolsza, *Więzienia stalinowskie w Polsce. System–codziennosc–represje* (Warsaw: Wydawnictwo RM, 2013); S. Rosenbaum, B. Tracz, and D. Węgrzyn, *Tiurma – lagier Tost. Historia obozu NKWD w Toszku w 1945 roku* (Toszek: Gmina Toszek, 2017).

⁵⁴ Cited in E. Romanowska, *Karzące ramię sprawiedliwości ludowej. Prokuratury wojskowe w Polsce w latach 1944–1955* (Warszawa: LTW, 2012), 373–74.

⁵⁵ Noskova and Fitowa, *NKWD i polskie podziemie*, 88.

It should be emphasized that initially the Polish security apparatus played only an auxiliary role for the Soviet special services. By mid-1945, the main burden of liquidating the Polish national liberation underground had been transferred to them. Several hundred advisers, who were stationed at all powiat public security departments until 1947 and in the operational departments of the Ministry of Public Security until the mid-1950s, played the leading part.⁵⁶ Sovietization continued in the Polish Army. At the end of 1944, out of 40 thousand Polish Army officers, almost 19 thousand (including 36 generals) had Soviet citizenship.⁵⁷

An example of violation of international law and the principle of state sovereignty by the Soviet Union was the arrest in March 1945 of the Head of the Polish Underground State General L. Okulicki in Pruszków near Warsaw. On June 18–21, 1945, the Trial of the Sixteen was held in Moscow, with the Western allies having adopted a passive position. It was the only political and propaganda process directed against the legitimate Polish authorities. The indictment stated the fact of “illegality of the Home Army and the Council of National Unity.” The Poles were accused of “subversive and terrorist activities directed against officers and soldiers of the Red Army, sabotage and attacks, enemy propaganda against the USSR and the Red Army as well as cooperation with Germany.”⁵⁸

Conclusion

According to approximate data, from January 1944 till the end of the 1940s, repression in the the Second Polish Republic affected about 80–100 thousand Poles, several thousand of whom were convicted (not counting Polish citizens of other nationalities). Poles and Polish citizens ended up in screening and filtration camps, prisoner-of-war and internment camps, forced labour camps and labour battalions of the NKVD-MVD.⁵⁹ At this stage of research into the problem, it is difficult to

---

⁵⁶ R. Terlecki, *Miecz i tarcza komunizmu. Historia aparatu bezpieczeństwa w Polsce 1944–1990* (Kraków: Książki Wydawnictwo Literackie, 2007), 46–48.

⁵⁷ For more, see E.J. Nalepa, *Oddani partii Lenina i Stalina. Czerwonoarmiści w Wojsku Polskim 1943–1968* (Piotrków Trybunalski: Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego, 2014); S. Cenckiewicz, *Długie ramię Moskwy. Wywiad wojskowy Polski Ludowej 1943–1991 (wprowadzenie do syntezy)* (Poznań: Zys i S-ka Wydawnictwo, 2011).

⁵⁸ Volokitina et al., *From Warsaw. To Moscow, Comrade Beria...*, 156–71, 179–91, 197–211, 215–16.

⁵⁹ D. Rogut, “Polacy i obywatele polscy w obozach NKVD-MVD ZSRR 1944–1956,” in *Represje sowieckie wobec narodów Europy Środkowo-Wschodniej 1944–1956*, ed. D. Rogut, A. Adamczyk (Zelów: Atena, 2005), 69–97; D. Rogut, “Poles and Polish Citizens in the Soviet Camps in the Urals (1945–1957): A Historical Overview” [in Russian], in *Topical Issues of Learning and Teaching History, Social and Humanitarian Disciplines and Law*, ed. B.A. Kosmach, A.M. Dulov (Vitebsk: Vitebskii gosudarstvennyi universitet imeni P.M. Masherova, 2018), 159–62, accessed February 15, 2020, <https://lib.vsu.by/jspui/bitstream/123456789/16562/1/159-162.pdf>; D. Rogut, “The Polish Civilians and the Soldiers of the Home Army in NKVD/MVD Camps after

accurately determine the number of transports, mortality, and the fate of the deportees. Probably the last deportation from Poland took place in May 1949 from a Soviet prison of the Northern Group of Forces in Legnica and a month later from Częstochowa. The former transport first went to Brest, and the latter, to Minsk.⁶⁰

The Soviet party could not allow the existence of independent armed units in the rear of the Red Army, especially since they were considered hostile and dangerous. The purpose of repression against the AK command staff and representatives of the Government Delegation for Poland was to weaken the Polish underground, subordinate to the government in London, and to destroy the political structures which opposed the Soviet collaborationist structures under the auspices of the PKWN. The purpose of the joint actions was to pacify the territories at the local level, to eliminate all forms of anti-communist resistance and political independence, and to intimidate the society. Arrests, internment, conviction (under Soviet law), and mass deportations violated international law. For many Poles, another period of occupation began, and this time it was the Soviet occupation.

Список литературы

Елисеева Н.Е., Антекаръ П.А., Нагаев И.М., Успенский И.В., Гурьянов А.Э. Каталог эшелонов с интернированными поляками, отправленными вглубь СССР // Репрессии против поляков и польских граждан. – Москва: Звенья, 1997. – С. 215–225.

Из Варшавы. Москва, товарищу Берия...: документы НКВД СССР о польском подполье 1944–1945 гг. / составители: Т.В. Волокитина и др.; ответственный редактор А.Ф. Носкова. – Москва: Институт славяноведения РАН; Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – 444 с.

Рогут Д. Поляки и польские граждане в советских лагерях на Урале (1945–1957): исторический очерк // Актуальные вопросы изучения и преподавания истории, социально-гуманитарных дисциплин и права / редколлегия: В.А. Космач, А.М. Дулов. – Витебск: Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, 2018. – С. 159–162. – URL: <https://lib.vsu.by/jspui/bitstream/123456789/16562/1/159-162.pdf> (дата обращения: 15.02.2020)

СССР и Польша: 1941–1945: к истории военного союза: документы и материалы / автор-составитель Лавренов С.Я., и др. – Москва: ТЕРРА, 1994. – (Серия: Русский архив. Великая Отечественная. Т. XIV (3–1)). – 490 с.

Советский фактор в Восточной Европе 1944–1953: Документы: в 2 т. Т. I: 1944–1948 / ответственный редактор Т.В. Волокитина. – Москва: РОССПЭН, 1999. – 687 с.

Специальная информация от С. Савченко В. Рясному об арестах членов польского подполья и реакции населения (Львов, 19 января 1945 г.) // *Polska i Ukraina w latach*

1944,” in *Gulag–Gupvi. The Soviet Captivity in Europe*, ed. R. Kiss, I. Simon (Budapest: Nemzeti Emlékezet Bizottsága, 2017), 185–206.

⁶⁰ For more details, see D. Rogut, “Deportacje Polaków i obywateli polskich do ZSRS w 1945 roku: droga na Wschód,” in *Pod czerwoną gwiazdą. Aspekty sowieckiej obecności w Europie Środkowo–Wschodniej w 1945 roku*, ed. S. Rosenbaum, D. Węgrzyn (Katowice–Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej, 2017), 90–109.

trzydziestych–czterdziestych XX wieku. Nieznane dokumenty z archiwów służb specjalnych. T. VI: Operacja “Sejm” 1944–1946 / komitet redakcyjny Jerzy Bednarek, et al.; wybór dokumentów i redakcja Wanda Chudzik, et al. – Warszawa–Kijów: Archiwa Ministerstwa Spraw Wewnętrznych i Administracji Rzeczypospolitej Polskiej; Instytut Pamięci Narodowej – Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu; Instytut Badań Politycznych i Narodowościowych Narodowej Akademii Nauk Ukrainy; Państwowe Archiwum Służby Bezpieczeństwa Ukrainy, 2007. – S. 431.

Armia Krajowa w dokumentach, 1939–1945: w 6 t. T. 3: Kwiecień 1943 – lipiec 1944 / komitet redakcyjny T. Pełczyński, et al. – Londyn: Studium Polski Podziemnej, 1976. – 627 s.

Armia Krajowa w dokumentach, 1939–1945: w 6 t. T. 4: Lipiec – październik 1944 / komitet redakcyjny T. Pełczyński, et al. – Londyn: Studium Polski Podziemnej, 1977. – 470 s.

Balbus T. Sowietci i Żymierski a lwowska AK w 1944 // Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej. – 2004. – № 12. – S. 67–79.

Caban I. Okręg Lublin Armii Krajowej // Armia Krajowa. Rozwój organizacyjny / redactor K. Komorowski. – Warszawa: Bellona, 1996. – S. 75–97.

Cenckiewicz S. Długie ramię Moskwy. Wywiad wojskowy Polski Ludowej 1943–1991 (wprowadzenie do syntezy). – Poznań: Zysk i S-ka Wydawnictwo, 2011. – 535 s.

Cenckiewicz S. Geneza Ludowego Wojska Polskiego 1943–45. – Warszawa: Akademia Sztuki Wojennej, Dreams Art, Walenciak Krzysztof, 2017. – 89 s.

Chmielarz A. Rola służb sowieckich w organizacji zwalczania polskiego podziemia niepodległościowego // Pion walki z podziemiem niepodległościowym RBP/MBP 1944–1954 / redactor T. Ruzikowski. – Warszawa: Wydawnictwo T. Ruzikowski, 2016. – S. 77–109.

Fornal P. Konspiracja akowska i poakowska w powiecie brzozowskim (1939–1949). Geneza, struktura, działalność i likwidacja. – Rzeszów: Instytut Pamięci Narodowej, 2010. – 768 s.

Gontarczyk P. PPR jako ekspozytura Kremla // W drodze do władzy. Struktury komunistyczne realizujące politykę Rosji Sowieckiej i ZSRS wobec Polski (1917–1945) / redactory E. Kowalczyk, K. Rokicki. – Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej, 2019. – S. 491–518.

Grat-Wieteska Z. 30 Polska Dywizja Piechoty Armii Krajowej. – Pruszków: Oficyna Wydawnicza “Ajaks”, 1993. – 98 s.

Gryciuk F., Matuszek P. Represje NKWD wobec żołnierzy podziemnego Państwa Polskiego w latach 1944–1945: w 2 t. T. 1. – Siedlce: Wydawnictwa Uczelniane Wyższa Szkoła Rolniczo-Pedagogiczna, 1995. – 397 s.

Grzelak Cz., Stańczyk H., Zwoliński S. Bez możliwości wyboru. Wojsko Polskie na froncie wschodnim 1943–1945. – Warszawa: Bellona, 1993. – 258 s.

Historia dyplomacji polskiej: w 6 t. T. 5: 1939–1945 / redactor W. Michowicz. – Warszawa: Wydawnictwa Naukowe PWN, 1999. – 844 s.

Hryciuk G. “Sprawa Lwowa właściwie wciąż otwarta”. Między nadzieją a zwątpieniem – Polacy we Lwowie w 1945 r. // Dzieje Najnowsze. – 2005. – № 4. – S. 111–138.

Indeks Represjonowanych. T. XIX: Wywiezieni do Kaługi. Alfabetyczny wykaz 4936 żołnierzy Armii Krajowej oraz poborowych Polaków z Wileńszczyzny i Nowogródziny przymusowo wcielonych do 361 zapasowego pułku piechoty Armii Czerwonej od sierpnia 1944 do stycznia 1946 / redactory A. Dzieńkiewicz, A. Gurjanow. – Warszawa: Ośrodek KARTA, 2008. – 799 s.

Kalbarczyk S. Polscy pracownicy nauki – ofiary zbrodni sowieckich w latach II wojny światowej. Zamordowani, więzieni, deportowani. – Warszawa: Neriton, 2001. – 295 s.

Kalbarczyk S. Sowietkie represje wobec polskiego podziemia niepodległościowego w Warszawie i okolicach na przełomie 1944 i 1945 roku // Pamięć i Sprawiedliwość. – 2002. – № 2. – S. 139–155.

Kielasiński A. Raport o zabijaniu // Stalinizm w Polsce. – Lublin, 1997. – URL: <http://www.stalinizmwpolisce.com/Lublin.html> (data обращения: 21.02.2020)

Kornat M. Porzucenie sojusznika i odruch współczucia. O brytyjskiej percepcji spraw polskich w roku 1944 // Polska 1944. Perspektywa sojuszników i wrogów / redactory M. Grądzka-Rejak, D. Golik. – Kraków: Wydawnictwo WAM, 2016. – S. 93–144.

Leszczyńska Z. Procesy sądowe w latach 1944–1956 wobec członków organizacji niepodległościowych na Lubelszczyźnie // Przesłankstwa sędziów i prokuratorów w Polsce lat 1944–1956 / redactory W. Kulesza, A. Rzepliński. – Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej, 2000. – 141 s.

Maciejowska A. Przerwane życiorysy. Obława Augustowska – lipiec 1945 r. – Białystok: Instytut Pamięci Narodowej, 2010. – 522 s.

Materski W. Polski Komitet Wyzwolenia Narodowego – narzucona władza // W drodze do władzy. Struktury komunistyczne realizujące politykę Rosji Sowieckiej i ZSRS wobec Polski (1917–1945) / redactory E. Kowalczyk, K. Rokicki. – Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej, 2019. – S. 519–530.

Mitzner P. Oczyścić Lwów // Karta. – 1995. – № 17. – S. 135.

Nalepa E.J. Oddani partii Lenina i Stalina. Czerwonoarmiści w Wojsku Polskim 1943–1968. – Piotrków Trybunalski: Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego, 2014. – 471 s.

NKWD i polskie podziemie 1944–1945. Z «teczek specjalnych» Józefa W. Stalina / redactor A.F. Noskowa. – Kraków: Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych “Universitas”, 1998. – 479 s.

Obława Augustowska – lipiec 1945 r. Wybór źródeł / redactory J.J. Milewski, A. Pyżewska. – Białystok: Instytut Pamięci Narodowej, 2010. – 384 s.

Paczkowski A. Ministerstwo Bezpieczeństwa Publicznego w latach 1944–1954 – struktury i mechanizmy działania // System stalinowskich represji w Polsce. Represje w Marynarce Wojennej / redactor I. Hałagida. – Gdańsk: Instytut Pamięci Narodowej, 2003. – S. 12–17.

Pietrow N. Działalność NKWD w Polsce w latach 1944–1945 // W drodze do władzy. Struktury komunistyczne realizujące politykę Rosji Sowieckiej i ZSRS wobec Polski (1917–1945) / redactory E. Kowalczyk, K. Rokicki. – Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej, 2019. – S. 541.

Pietrow N. Stalinowski kat Polski. Iwan Sierow. – Warszawa: Demart, 2013. – 416 s.

Polskie Siły Zbrojne w drugiej wojnie światowej: w 3 t. T. 3: Armia Krajowa. – Londyn: Studium Polski Podziemnej, 1952. – 971 s.

Rogut D. Deportacje Polaków i obywateli polskich do ZSRS w 1945 roku: droga na Wschód // Pod czerwoną gwiazdą. Aspekty sowieckiej obecności w Europie Środkowo-Wschodniej w 1945 roku / redactory S. Rosenbaum, D. Węgrzyn. – Katowice; Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej, 2017. – S. 90–109.

Rogut D. Mechanizmy sowieckich represji. Żołnierze Armii Krajowej w obozie NKWD nr 270 w Borowiczach (1944–1946) – studium przypadku. – Żelów: Marland, 2017. – 325 s.

Rogut D. Polacy i obywatele polscy w obozach NKWD-MWD ZSRR 1944–1956 // Represje sowieckie wobec narodów Europy Środkowo-Wschodniej 1944–1956 / redactory D. Rogut, A. Adamczyk. – Żelów: Atena, 2005. – S. 69–97.

Rogut D. Polacy w obozie kontrolno-filtracyjnym nr 283 NKWD-MWD w Stalinogorsku (1945–1947) // Od Rosji po Bliski Wschód. Studia historyczne z XX w. / redactor D. Rogut. – Żelów: Instytut Pamięci Narodowej, 2010. – S. 175–208.

Rogut D. Polacy z Wileńszczyzny w obozach sowieckich “saratowskiego szlaku” (1944–1949). – Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2003. – 415 s.

Rogut D. The Polish Civilians and the Soldiers of the Home Army in NKVD/MVD Camps After 1944 // Gulag–Gupvi. The Soviet Captivity in Europe / redactory R. Kiss, I. Simon. – Budapest: Nemzeti Emlékezet Bizottsága, 2017. – S. 185–206.

Rogut D. Ucieczki żołnierzy Armii Krajowej z obozu NKWD-MWD nr 178-454 w Riazaniu (1945–1946) // Dzieje Najnowsze. – 2008. – № 3. – S. 79–93.

Romanowska E. Karzące ramię sprawiedliwości ludowej. Prokuratury wojskowe w Polsce w latach 1944–1955. – Warszawa: LTW, 2012. – 484 s.

Rosenbaum S., Tracz B., Węgrzyn D. Tiurma – łagier Tost. Historia obozu NKWD w Toszku w 1945 roku. – Toszek: Gmina Toszek, 2017. – 223 s.

Śląski J. Skrobów, dzieje obozu NKWD dla żołnierzy AK 1944–1945. – Warszawa: Rytm, 2003. – 86 s.

Srebrakowski A. Polacy w Litewskiej SRR 1944–1989. – Toruń: Adam Marszałek, 2000. – 392 s.

Teczka Specjalna J. W. Stalina. Raporty NKWD z Polski 1944–1946. – Warszawa: Rytm, 1998. – 640 s.

Terlecki R. Miecz i tarcza komunizmu. Historia aparatu bezpieczeństwa w Polsce 1944–1990. – Kraków: Książki Wydawnictwo Literackie, 2007. – 392 s.

Wierzbicka M. Lwów–Ural–Komi. Więzienie, łagry, zesłanie. – Wrocław: Zrzeszenie “Wolność i Niezawisłość”, 1993. – 243 s.

Wierzbicki M. Polska lubelska (1944 r.) // Dzieje Lubelszczyzny 1944–1956. Aspekty polityczne / redactory T. Osiński, M. Mazur. – Lublin: Instytut Pamięci Narodowej, 2016. – S. 73–86.

Wolsza T. Więzienia stalinowskie w Polsce. System–codzienność–represje. – Warszawa: Wydawnictwo RM, 2013. – 294 s.

Zavadzka A. Duszpasterstwo polskie na Wileńszczyźnie w okresie sowieckim (1944–1990). – Białystok: Instytut Pamięci Narodowej, 2017. – 278 s.

References

Balbus, T. “Sowieci i Żymierski a lwowska AK w 1944.” *Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej*, no. 12 (2004): 67–79.

Caban, I. “Okręg Lublin Armii Krajowej.” In *Armia Krajowa. Rozwój organizacyjny*, edited by K. Komorowski, 75–97. Warsaw: Bellona, 1996.

Cenckiewicz, S. *Długie ramię Moskwy. Wywiad wojskowy Polski Ludowej 1943–1991 (wprowadzenie do syntezy)*. Poznan: Zysk i S-ka Wydawnictwo, 2011.

Cenckiewicz, S. *Geneza Ludowego Wojska Polskiego 1943–45*. Warsaw: Akademia Sztuki Wojennej, Dreams Art, Walenciak Krzysztof, 2017.

Chmielarz, A. “Rola służb sowieckich w organizacji zwalczania polskiego podziemia niepodległościowego.” In *Pion walki z podziemiem niepodległościowym RBP/MBP 1944–1954*, edited by T. Ruzikowski, 77–109. Warsaw: Wydawnictwo T. Ruzikowski, 2016.

Dzienkiewicz, A., and A. Gurjanow, eds. *Indeks Represjonowanych. T. XIX: Wywiezieni do Kalugi. Alfabetyczny wykaz 4936 żołnierzy Armii Krajowej oraz poborowych Polaków z Wileńszczyzny i Nowogródzczyzny przymusowo wcielonych do 361 zapasowego pułku piechoty Armii Czerwonej od sierpnia 1944 do stycznia 1946*. Warszawa: Ośrodek KARTA, 2008.

Eliseeva, N.E., P.A. Aptekar', I.M. Nagaev, I.V. Uspenskii, A.E. Gur'yanov. “Katalog eshelonov s internirovannymi polyakami, otpravlennymi vglub' SSSR” [Index of special trains with

Polish internees sent to the USSR inland]. *Repressii protiv polyakov i pol'skikh grazhdan* [Repression against Poles and Polish citizens], 215–25. Moscow: Zven'ya, 1997. (In Russian)

Fornal, P. *Konspiracja akowska i poakowska w powiecie brzozowskim (1939–1949). Geneza, struktura, działalność i likwidacja*. Rzeszów: Instytut Pamięci Narodowej, 2010.

Gontarczyk, P. “PPR jako ekspozytura Kremla.” In *W drodze do władzy. Struktury komunistyczne realizujące politykę Rosji Sowieckiej i ZSRS wobec Polski (1917–1945)*, edited by E. Kowalczyk, K. Rokicki, 491–518. Warsaw: Instytut Pamięci Narodowej, 2019.

Grat-Wieteska, Z. *30 Polska Dywizja Piechoty Armii Krajowej*. Pruszków: Oficyna Wydawnicza “Ajaks”, 1993.

Gryciuk, F., and P. Matussek. *Represje NKWD wobec żołnierzy podziemnego Państwa Polskiego w latach 1944–1945*. 2 vols. Vol. 1. Siedlce: Wydawnictwa Uczelniane Wyższa Szkoła Rolniczo-Pedagogiczna, 1995.

Grzelak, Cz., H. Stańczyk, and S. Zwoliński. *Bez możliwości wyboru. Wojsko Polskie na froncie wschodnim 1943–1945*. Warsaw: Bellona, 1993.

Hryciuk, G. “‘Sprawa Lwowa właściwie wciąż otwarta’. Między nadzieją a zwątpieniem – Polacy we Lwowie w 1945 r.” *Dzieje Najnowsze*, no. 4 (2005): 111–38.

Kalbarczyk, S. “Sowieckie represje wobec polskiego podziemia niepodległościowego w Warszawie i okolicach na przełomie 1944 i 1945 roku.” *Pamięć i Sprawiedliwość*, no 2 (2002): 139–55.

Kalbarczyk, S. *Polscy pracownicy nauki – ofiary zbrodni sowieckich w latach II wojny światowej. Zamordowani, więzieni, deportowani*. Warsaw: Neriton, 2001.

Kielasiński, A. “Raport o zabijaniu.” *Stalinizm w Polsce*. Lublin, 1997. Accessed February 21, 2020. <http://www.stalinizmwpolisce.com/Lublin.html>

Kornat, M. “Porzucenie sojusznika i odruch współczucia. O brytyjskiej percepcji spraw polskich w roku 1944.” In *Polska 1944. Perspektywa sojuszników i wrogów*, edited by M. Grądzka-Rejak, D. Golik, 93–144. Kraków: Wydawnictwo WAM, 2016.

Lavrenov S.Ya. et al., comps. *SSSR i Pol'sha: 1941–1945: k istorii voennogo soyuza: dokumenty i materialy* [USSR and Poland: 1941–1945: on the history of the military alliance: documents and materials]. Russkii arkhiv. Velikaya Otechestvennaya [Russian archive. The Great Patriotic War], vol. 14 (3–1). Moscow: TERRA, 1994. (In Russian)

Leszczyńska, Z. “Procesy sądowe w latach 1944–1956 wobec członków organizacji niepodległościowych na Lubelszczyźnie.” In *Przestępstwa sędziów i prokuratorów w Polsce lat 1944–1956*, edited by W. Kulesza, A. Rzepliński. Warsaw: Instytut Pamięci Narodowej, 2000.

Maciejowska, A. *Przerwane życiorysy. Obława Augustowska – lipiec 1945 r.* Białystok: Instytut Pamięci Narodowej, 2010.

Materski, W. “Polski Komitet Wyzwolenia Narodowego – narzucona władza.” In *W drodze do władzy. Struktury komunistyczne realizujące politykę Rosji Sowieckiej i ZSRS wobec Polski (1917–1945)*, edited by E. Kowalczyk, K. Rokicki, 519–30. Warsaw: Instytut Pamięci Narodowej, 2019.

Michowicz, W., ed. *Historia dyplomacji polskiej*. 6 vols. Vol. 5, 1939–1945. Warsaw: Wydawnictwa Naukowe PWN, 1999.

Milewski, J.J. and A. Pyżewska, eds. *Obława Augustowska – lipiec 1945 r. Wybór źródeł*. Białystok: Instytut Pamięci Narodowej, 2010.

Mitzner, P. “Oczyścić Lwów”. *Karta*, no. 17 (1995): 135.

Nalepa, E.J. *Oddani partii Lenina i Stalina. Czerwonoarmiści w Wojsku Polskim 1943–1968*. Piotrków Trybunalski: Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego, 2014.

Noskowa, A.F., and A. Fitowa, eds. *NKWD i polskie podziemie 1944–1945. Z “teczek specjalnych” Józefa W. Stalina*. Krakow: Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych “Universitas”, 1998.

Paczkowski, A. “Ministerstwo Bezpieczeństwa Publicznego w latach 1944–1954 – struktury i mechanizmy działania.” In *System stalinowskich represji w Polsce. Represje w Marynarce Wojennej*, edited by I. Hałagida, 12–17. Gdansk: Instytut Pamięci Narodowej, 2003.

Pelczyński, T. et al, eds. *Armia Krajowa w dokumentach, 1939–1945*. 6 vols. Vol. 3, *Kwiecień 1943 – lipiec 1944*. London: Studium Polski Podziemnej, 1976.

Pelczyński, T. et al, eds. *Armia Krajowa w dokumentach, 1939–1945*. 6 vols. Vol. 4, *Lipiec – październik 1944*. London: Studium Polski Podziemnej, 1977.

Pietrow, N. “Działalność NKWD w Polsce w latach 1944–1945.” In *W drodze do władzy. Struktury komunistyczne realizujące politykę Rosji Sowieckiej i ZSRS wobec Polski (1917–1945)*, edited by E. Kowalczyk, K. Rokicki, 541. Warsaw: Instytut Pamięci Narodowej, 2019.

Pietrow, N. *Stalinowski kat Polski. Iwan Sierow*. Warsaw: Demart, 2013.

Polskie Siły Zbrojne w drugiej wojnie światowej. 3 vols. Vol. 3, *Armia Krajowa*. London: Studium Polski Podziemnej, 1952.

Rogut, D. “Deportacje Polaków i obywateli polskich do ZSRS w 1945 roku: droga na Wschód.” In *Pod czerwoną gwiazdą. Aspekty sowieckiej obecności w Europie Środkowo-Wschodniej w 1945 roku*, edited by S. Rosenbaum, D. Węgrzyn, 90–109. Katowice; Warsaw: Instytut Pamięci Narodowej, 2017.

Rogut, D. “Polacy i obywatele polscy w obozach NKWD-MWD ZSRR 1944–1956.” In *Represje sowieckie wobec narodów Europy Środkowo-Wschodniej 1944–1956*, edited by D. Rogut, A. Adamczyk, 69–97. Żelów: Atena, 2005.

Rogut, D. “Polacy w obozie kontrolno-filtracyjnym nr 283 NKWD-MWD w Stalinogorsku (1945–1947).” In *Od Rosji po Bliski Wschód. Studia historyczne z XX w.*, edited by D. Rogut, 175–208. Żelów: Instytut Pamięci Narodowej, 2010.

Rogut, D. “Polyaki i pol'skie grazhdane v sovetskikh lageryakh na Urale (1945–1957): istoricheskii ocherk” [Poles and Polish citizens in the Soviet camps in the Urals (1945–1957): a historical overview]. In *Aktual'nye voprosy izucheniya i prepodavaniya istorii, sotsial'no-humanitarnykh distsiplin i prava* [Topical issues of learning and teaching history, social and humanitarian disciplines and law], edited by B.A. Kosmach, A.M. Dulov, 159–62. Vitebsk: Vitebskii gosudarstvennyi universitet imeni P.M. Masherova, 2018. Accessed February 15, 2020. <https://lib.vsu.by/jspui/bitstream/123456789/16562/1/159-162.pdf> (In Russian)

Rogut, D. “The Polish Civilians and the Soldiers of the Home Army in NKVD/MVD Camps After 1944.” In *Gulag–Gupvi. The Soviet Captivity in Europe*, edited by R. Kiss, I. Simon, 185–206. Budapest: Nemzeti Emlékezet Bizottsága, 2017.

Rogut, D. “Uciezki żołnierzy Armii Krajowej z obozu NKWD-MWD nr 178-454 w Riazaniu (1945–1946).” *Dzieje Najnowsze*, no. 3 (2008): 79–93.

Rogut, D. *Mechanizmy sowieckich represji. Żołnierze Armii Krajowej w obozie NKWD nr 270 w Borowiczach (1944–1946) – studium przypadku*. Żelów: Marland, 2017.

Rogut, D. *Polacy z Wileńszczyzny w obozach sowieckich ‘saratowskiego szlaku’ (1944–1949)*. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2003.

Romanowska, E. *Karzące ramię sprawiedliwości ludowej. Prokuratury wojskowe w Polsce w latach 1944–1955*. Warszawa: LTW, 2012.

Rosenbaum, S., B. Tracz, and D. Węgrzyn. *Tiurma – łagier Tost. Historia obozu NKWD w Toszku w 1945 roku*. Toszek: Gmina Toszek, 2017.

Śląski, J. *Skrobów, dzieje obozu NKWD dla żołnierzy AK 1944–1945*. Warsaw: Rytm, 2003.

“Spetsial'naya informatsiya ot S. Savchenko V. Ryasnomu ob arestakh chlenov pol'skogo podpol'ya i reaktsii naseleniya (L'vov, 19 yanvarya 1945 g.)” [Special information from S. Savchenko to V. Ryasny about the arrests of Polish underground members and the response of the population (Lvov, January 19, 1945)]. In *Polska i Ukraina w latach trzydziestych – czterdziestych XX wieku. Nieznane dokumenty z archiwów służb specjalnych*, vol. 4, *Operacja “Sejm” 1944–1946*, edited by Jerzy Bednarek et al., compiled by Wanda Chudzik et al., 431. Warsaw; Kiev: Archiwa Ministerstwa Spraw Wewnętrznych i Administracji Rzeczypospolitej Polskiej; Instytut Pamięci Narodowej – Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu; Instytut Badań Politycznych i Narodowościowych Narodowej Akademii Nauk Ukrainy; Państwowe Archiwum Służby Bezpieczeństwa Ukrainy, 2007.

Srebrakowski, A. *Polacy w Litewskiej SRR 1944–1989*. Toruń: Adam Marszałek, 2000.

Teczka Specjalna J.W. Stalina. Raporty NKWD z Polski 1944–1946. Warszawa: Rytm, 1998.

Terlecki, R. *Miecz i tarcza komunizmu. Historia aparatu bezpieczeństwa w Polsce 1944–1990*. Kraków: Książki Wydawnictwo Literackie, 2007.

Volokitina, T.V. et al., comps. *Iz Varshavy. Moskva, tovarishchu Beriia...: dokumenty NKVD SSSR o pol'skom podpol'e 1944–1945 gg.* [From Warsaw. To Moscow, comrade Beria...: documents of the NKVD of the USSR on the Polish underground 1944–1945]. Edited by A.F. Noskova. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN; Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 2001. (In Russian)

Volokitina, T.V., ed. *Sovetskii faktor v Vostochnoi Evrope 1944–1953: Dokumenty* [The Soviet factor in Eastern Europe 1944–1953: Documents]. 2 vols. Vol. 1, 1944–1948. Moscow: ROSSPEN, 1999. (In Russian)

Wierzbicka, M. *Lwów–Ural–Komi. Więzienie, łagry, zesłanie*. Wrocław: Zrzeszenie “Wolność i Niezawisłość”, 1993.

Wierzbicki, M. “Polska lubelska (1944 r.)” In *Dzieje Lubelszczyzny 1944–1956. Aspekty polityczne*, edited by T. Osiński, M. Mazur, 73–86. Lublin: Instytut Pamięci Narodowej, 2016.

Wolsza, T. *Więzienia stalinowskie w Polsce. System–codziennosc–represje*. Warsaw: Wydawnictwo RM, 2013.

Zavadzka, A. *Duszpasterstwo polskie na Wileńszczyźnie w okresie sowieckim (1944–1990)*. Białystok: Instytut Pamięci Narodowej, 2017.

Дарнуш Рогут

Доктор исторических наук, профессор,
Заведующий кафедрой военной истории и
оборонных исследований,
Институт истории
Академии военного искусства,
Директор Института Национальной памяти,
Лодзинское отделение
Лодзь/ Варшава, Польша
<http://orcid.org/0000-0002-1023-0411>
drogut@wp.pl

Dariusz Rogut

Doctor habilitatus, Professor
Head of the Department of Military History and
Defence Studies
Institute of Military History
of War Studies University,
Director of the Institute of National Remembrance,
Lodz branch
Lodz / Warsaw, Poland
<http://orcid.org/0000-0002-1023-0411>
drogut@wp.pl